

АННА ШНАЙДЕР

ДВУЛИКИЕ

Анна Шнайдер

Двуликие. Клетка для наследника

<https://litres.ru/74204573>

Аннотация

Шайна Тарс полжизни воспитывалась в борделе, мечтая поступить в Лианорскую академию магии. Но кто же знал, что с момента поступления в её жизни начнут происходить странные и необычные события... Почему Шайне снятся сны о девушке, пропавшей без вести двадцать лет назад? Что нужно загадочному хранителю императорской библиотеки и как он связан с амулетом Шайны, из-за которого убили её мать? И кто её убил?..

Первая книга трилогии "Двуликие". События происходят после "Сердца волка". Историю можно читать отдельно. Иллюстрация на обложке Вероники Акулич.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	10
Глава вторая	35
Глава третья	51
Глава четвёртая	77
Глава пятая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Пролог

*Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя...*

Н. Гумилёв

Ветер подхватил с земли несколько золотых листьев, закружил их, закрутил в водоворот и вновь разбросал по осенней жухлой траве. Словно пытался соткать из них ковёр.

— Красиво.

Женщина, стоявшая на небольшом возвышении среди деревьев, улыбнулась и пошевелила пальцами босых ног, будто хотела закопаться поглубже в листву.

— Что именно?

Мужчина с длинными серебряными волосами сделал шаг вперёд, к ней, но застыл, когда она засмеялась.

— Ты способен видеть хоть что-то кроме своих экспериментов, Риланд? Или твоя лаборатория тебе милее всего на свете? Ты уже добился того, чего хотел, — стал Повелителем. Расслабься наконец! Смотри, слушай, чувствуй...

— Я чувствую... — Он метнулся к ней, но она, лукаво улыбнувшись, отскочила в сторону и побежала вниз со склона.

Её смех был частью ветра. Золотые волосы вплетались в осенний узор из листьев. В голубых глазах отражалось небо.

— Аля, стой!

— Лови-и-и-и! — Голос растаял в пространстве, пощекотав ресницы Риланда. Он побежал быстрее — не для того, чтобы поймать, а чтобы предупредить...

Внизу, под склоном, был небольшой перелесок — деревья, покрытые толстым слоем пушистого мха, хрустящие осенние листья под ногами, звенящий сотней мелодий ручеёк с прозрачной, будто стеклянной водой — красиво, тихо, спокойно... Конечно, Аля побежала туда. Но за перелеском...

Риланд хорошо знал то, что было там, за перелеском. И не хотел, чтобы она видела. Кто угодно — только не она.

Но она уже бежала через перелесок, и ветви деревьев ласково касались её ладоней, листья пытались запутаться в волосах, и она, смеясь, мотала головой. И мчалась дальше.

Она всегда прекрасно бегала. И хотела продолжать эту игру в догонялки, в которой каждый раз побеждала, — но застыла, увидев, где оказалась.

— Что это, Рил? — выдохнула, обводя взглядом чёрные от копоти дома и хозяйственные постройки.

— Деревня, — ответил он, встав за её плечом.

— Это я вижу. А что здесь случилось?

— Тебе лучше не знать.

— Рил! — Она обернулась к нему, гневно сверкнув гла-

зами.

— Чёрная холера здесь случилась. Очень неожиданно, особенно если учесть близость к Эйму. Сама знаешь — магическим огнём всё от этой заразы надо вычищать, вот и вычистили. А присланный маг-эльф той ещё сволочью был...

— Почему был?

— Потому. Не забегай вперёд. Он там, в деревне, заприметил одну девушку... Живёт одна, из родственников только бабка и маленький ребёнок. Понравилась ему эта девица, в общем. Ну а он ей — нет. Отказала она ему. Представляешь, Аля, человеческая девка эльфу отказала, — усмехнулся Риланд. — Конечно, это, в его глазах, оскорбление. Он и сказал односельчанам, что, мол, это она их прокляла.

— Прокляла? Она маг?

— Угу. Была. Забили её эти идиоты... И девочку тоже хотели к Дариде отправить, и отправили бы, если бы она вдруг не полыхнула силой так, что сожгла полдеревни вместе с жителями.

Риланд замолчал, задумчиво глядя на закопчённые дома.

— Что теперь будет с девочкой?

Он вздохнул и сказал с неохотой:

— Суд был. Я и сам участвовал, Аля... У неё очень нестабильный дар, настолько нестабильный, что она даже имя своё забыла из-за вспышки. Надели на неё блокираторы, но толку? Всю жизнь с блокираторами ходить нельзя, сама знаешь. Учить трёхлетнюю магии взрывоопасно...

— К чему ты клонишь, Рил?

— Ни к чему. Ни к чему хорошему... Было принято решение уничтожить девочку. Завтра... Аля, стой!

Она не послушалась — зашагала вглубь деревни ещё быстрее. Только фыркнула.

— Пойми ты... — Риланд подбежал и попытался схватить её за руку. — У девчонки отец — явно эльф, я только не смог определить, кто именно, её дар сопротивляется моей магии. А мать была магом, пусть слабеньким, но магом. Вот и получилась... смесь гремучая. Мы думали просто выжечь ей дар, но она же овощем останется... Забрать подобную силу без последствий невозможно.

— Почему ты мне не сказал?

— Зачем?! Ты же расстроишься... Там ничего нельзя сделать, Аль, правда...

— Где она сейчас? Здесь? Показывай дорогу.

Он не стал спорить. Только покачал головой.

Маленький домик с покосившимся крыльцом и чёрными провалами вместо окон. Если бы дома были живыми, то про этот точно можно было сказать, что он уже умер, причём не своей смертью.

Возле крыльца стояла старая скамейка с кривой спинкой, а на скамейке сидела девочка. Короткие волосики насыщенно-чёрного цвета отливали синевой, крошечные ножки со сбитыми коленками были обуты в светлые кожаные санда-

лии с красными нашлёпками в виде бабочек, короткое синее платье казалось чистым лишь на первый взгляд — приглядевшись, можно было заметить полоску грязи возле подола.

Услышав шаги, девочка обернулась.

У неё оказались интересные глаза. Один тёмно-карий, почти чёрный, а другой красный. Узкие губы, вздёрнутый вверх нос, белый шрамик на лбу, возле левой брови.

— Привет, — сказала Аля, садясь на корточки рядом с девочкой. Та шмыгнула носиком и ответила:

— Привет. Ты пришла, чтобы убить меня?

Рядом зло вздохнул Риланд.

— Почему ты так думаешь?

— Бабушка говорит: меня убьют, потому что я двулика. Тут удивился даже Риланд.

— Какая? — тихо переспросила Аля, вглядываясь девочке в глаза.

— Дву-ли-кая. Я не знаю, что это значит. А ты знаешь?

— Нет.

Ребёнок поджал губы.

— Мне кажется, это несправедливо. Убивать за то, чего ты не знаешь.

Аля приподнялась и села на лавочку рядом с девочкой, взяла её за ладошку, лежавшую поверх разбитых коленок, и спросила:

— Хочешь уехать со мной?

Она не видела, как Риланд поднял возмущённые глаза к

небу.

Девочка, хмурясь, рассматривала лицо женщины. Она никогда не видела таких красивых лиц даже среди эльфов. Особенно ей понравились глаза — насыщенно-голубые, а возле зрачка — ярко-жёлтые искорки, которые кружились, словно снежинки во время снегопада, и вспыхивали, будто звёзды на небе.

— Хочу.

Женщина улыбнулась и сжала пальцы девочки.

— Очень хорошо, Триш. Очень хорошо.

— Триш? — переспросил ребёнок удивлённо.

— Да. Триш Лаира — дословно «два лица» по-эльфийски.

«Двуликая». Тебе нравится?

И тогда она впервые улыбнулась.

Триш Лаира.

Ей нравилось.

Глава первая

Шайна Тарс

После этого сна у меня всегда болела голова. Наверное, потому что он был удивительно ярким. Я как наяву видела всё это — выжженную деревню, несчастную девочку на скамейке, прекрасное лицо женщины по имени Аля. Странное имя для такой красивой женщины.

Сон раз за разом заканчивался одним и тем же — радостной улыбкой Триш. И всё. И я просыпалась с ужасной головной болью.

Всякая ерунда снится мне с самого детства. К сожалению, это началось уже после того, как умерла мама, поэтому я лишена возможности спросить кого бы то ни было о том, что значат мои сны. Мама всегда говорила, что не нужно болтать лишнего, особенно если ты не уверен в результате. Лучше промолчать и самой изучить вопрос.

Вот я и изучала — рылась в книгах. Лет в шестнадцать наткнулась всё-таки на описание своего случая.

«Сновидец — человек с редким даром, проявляющимся в детях, рождённых человеческими девушками от эльфов. Подобные люди видят сны о прошлом — только о прошлом — в непонятном порядке. Сны эти могут быть связаны с кем-то, кого они не знают, либо, наоборот, с хорошо знакомы-

ми. Заглушить дар невозможно».

Вот так. Абсолютно бесполезная ерунда оказалась, да ещё и голова от неё болит.

Чего я только не пересмотрела за последние десять лет жизни! Мне снились и убийства, и драки, и жаркая любовь под одеялом или без него, и многое другое. Не каждый день, слава Дариде, иногда я имела возможность проспять всю ночь, не наблюдая чужие жизни.

Но не сегодня.

Как же некстати! Ненавижу этот сон, ненавижу Риланда и девчонку Триш. Алю ненавидеть не могу — не получается.

Приснились бы они мне хотя бы завтра, когда вступительные экзамены будут позади. А впереди... учёба в Лианорской академии магии. Если меня примут.

— Чего ты дрейфишь, Шайна! — Матушка Роза бухнула перед моим носом тарелку, полную клейкой каши, и поставила стакан с горячим чаем. — Ты ж магичка-то знатная. Разве ж могут тебя не принять?

Да кто их знает. Обучалась я на дому, сертификата о получении начального магического образования у меня нет. Я, конечно, справлялась об этом ещё при подаче заявки на поступление... в приёмной ЛАМ сказали, что ничего не нужно. Главное — сдать экзамен, а он одинаковый для всех. Сняли с меня слепок ауры, выдали временный пропуск и памятный листок с датой экзамена.

С сегодняшней датой. И временем. Экзамен был назначен

на полдень.

Сейчас десять утра, надо бы поесть, а как?

— Ты жрать будешь? — дружелюбно поинтересовалась у меня Клоди, присаживаясь рядом. Дружелюбно — потому что обычно она сопровождает вопрос подзатыльником, но в этот раз обошлась без него. Пожалела, наверное. Всё-таки экзамен. Страшное дело.

— Не знаю, — вздохнула я. — Ничего в горло не лезет.

— Надо, — грозно взглянула на меня Клоди. А потом посмотрела в собственную тарелку — и поморщилась. Да уж, овсяная каша у матушки Розы никогда не получалась. Всё остальное получалось, а вот овсянка — нет. — Впрочем, может, и не надо...

— Разговорчики! — цыкнула на Клоди матушка, и та ментально пригнулась, взяла ложку и стала есть.

Остальные женщины и девушки тоже принялись за еду. Впрочем, я их понимала — у них была тяжёлая ночь, в отличие от меня. Сейчас позавтракают и спать завалятся. В борделях так всегда. Ночью шумно, работа кипит, а потом с самого утра часов до четырёх дня — тишь да гладь. С шести утра до полудня матушка Роза вообще клиентов не пускает — это законное время отдыха.

Всего женщин здесь сейчас около десяти, включая меня и матушку Розу — хозяйку борделя. Она, правда, называет это место «домом свободных женщин», но суть от смены названия не меняется.

— Так, — вдруг воскликнула Кэрри, поднимая рыжую голову от тарелки и подмигивая мне, — девоньки, а давайте-ка выпьем за Шайну! Чтобы она экзамен сдала и поступила. Столько же лет мечтает!

— Да, — произнёс кто-то, а матушка Роза возмутилась:

— Куда вам пить, после смены-то...

— А мы чаю! — возразила Кэрри, приподняла свой стакан и помахала им в воздухе. — Ну же, девоньки!..

Ей вторил хор голосов:

— За Шайну!

— Чтобы сдала!

— Поступила!

— Мечты чтоб сбылись!

— За тебя, детка, — последней подняла кружку матушка Роза, смахивая с ресниц набежавшие слёзы.

Я улыбнулась и кивнула.

Желудок давно скрутило узлом и выжало, как половую тряпку. Я так и не смогла поесть, только выпила чаю, чтобы язык к нёбу не прилипал.

Академия находится в другом конце города, точнее — за городом, как, собственно, и бордель. Только бордель на севере, а академия на юге. Кто бы дал матушке Розе открыть подобное заведение рядом со студентами? Никто. Хотя она пыталась.

Мне заказали карету, как важной даме. Я, правда, вылезла

чуть раньше — хотела проветрить мозги.

Академию изначально строили в очень глухом месте, но сейчас, за почти двести лет после её открытия, земли вокруг застроили и заселили. Так что это тоже почти Лианор, только деревьев больше. И парковые зоны замечательные.

Через один такой парк я и пошла. Вёл он прямо к академии, и я гуляла там с детства, представляя, как буду взрослой студенткой и стану разгуливать по дорожкам, нацепив на себя форменный плащ академии... Он у них красивый — чёрный, а спереди, над карманом, летящая белая птица над огненной чашей — герб академии.

Я знала, что во время учёбы из одежды выдают только эти плащи. Никто точно не знал почему, но выходить без плаща в город учащимся строго воспрещалось. Поэтому их выдавали на все случаи жизни — летний и зимний, плащ-дождевик, парадный плащ.

Ох, как я хотела себе такой плащ. Я его хотела с тех самых пор, как впервые пришла в этот парк и увидела студентов академии. Мне тогда было десять.

Я не представляла, что буду делать, если не поступлю. Все мои мысли и мечты были связаны только с Лианорской академией магии. Поэтому я дрожала. Дрожала и шла вперёд, постукивая каблучками по выложенным фигурными плитками дорожкам. Сжимала руки в кулаки и повторяла: «У тебя получится. Всё получится, Шани».

Так говорила мне мама. Когда-то очень давно. И я обязана

поступить именно сюда не только ради себя, но и ради неё.
Я должна выяснить, кто её убил.

Академию окружала высокая, очень высокая стена. К главным воротам вела широкая дорога, по которой сейчас шли и ехали поступающие. Я никого не рассматривала, просто двигалась вперёд, по направлению к длинному хвосту очереди, выстроившейся прямо здесь, возле ворот. Наверное, проверяют пропуска. Оно и понятно — без пропуска в академию вход заказан.

Я встала за маленькой девушкой с толстой косой такого цвета, словно это были не волосы, а чистое золото. Она, почувствовав движение позади, обернулась и улыбнулась мне.

Мне вообще редко улыбаются, если не считать, конечно, девочек матушки Розы. Внешность не располагает. Я довольно высокая — например, я была выше этой девушки почти на целую голову, — крепкая, широкая в кости, но не толстая, с большой грудью, тяжёлыми чёрными волосами, тёмно-серыми глазами и бровями настолько широкими, что они кажутся сросшимися, что придаёт моему лицу вечно угрюмое выражение.

Как сказала однажды матушка Роза: «Если бы я не знала, что ты дочь эльфа, то подумала бы, что твоим отцом был тролль».

И она права. Эльфы тонкие, изящные, а я тяжёлая, большая, угрюмая.

— Привет, — сказала мне соседка по очереди. — Меня зовут Рональдин. А тебя?

Она мне понравилась. Сразу. И это было странно. Обычно мне не нравятся люди, впрочем, не-люди тоже.

Рональдин была пухленькой, с забавным широким носом, большими губами и глазами цвета неба. С очень дружелюбными глазами цвета неба.

— Шайна, — ответила я, тоже постаравшись искривить губы в подобие улыбки, хотя мне в тот момент было не до улыбок — тошнило от волнения.

— На какой факультет поступаешь?

Факультетов в Лианорской академии три. Факультет боевой магии — раз. Там учатся будущие работники силовых служб, при поступлении отдаётся предпочтение абитуриентам с сильным даром. Вот уж где мне точно не место.

Факультет прикладной магии — два. Там обучают в первую очередь артефакторов, а также всех тех, кто хочет связать свою жизнь с магией. Именно студенты этого факультета делают большинство магических открытий, пишут диссертации, защищаются.

И наконец, факультет целительства.

— Я целителем хочу быть, — ответила я Рональдин. Даже странно, что я решилась поделиться этой своей тайной с незнакомой девицей... Но у неё было такое милое лицо.

— А я на факультет прикладной магии собираюсь, — сообщила мне девушка. — Хочу стать артефактором.

Я не успела ответить — подошла наша очередь, стоявший перед Рональдин парень вошёл внутрь, и перед нашими взорами появился тот, кто проверял у абитуриентов пропуска.

Это был гном, маленький, толстый и бородатый. Странно, что именно гнома поставили на ворота, ведь у них совсем нет магии...

— Рональдин Арро, — прочитал гном написанное на пропуске моей соседки по очереди. — Факультет прикладной магии. Удачи тебе, деточка.

«Деточка» кивнула, улыбнулась, забрала пропуск и шагнула за ворота.

Гном взял мой пропуск.

— ШайнаТарс, — прочитал он и запнулся.

Вот же... кхаррт. Только молчи. Молчи, дурак!

Но мне не повезло.

— А ты не родственница ли Розе Тарс, деточка? — спросил гном, поднимая глаза. В очереди сзади меня кто-то ахнул.

Конечно, многим было известно имя Розы Тарс, в Лианоре к ней мало кто оставался равнодушным. С именем матушки Розы было связано много популярных в столице легенд. И я прекрасно понимала почему.

Она ведь когда-то была графиней, но отказалась от титула после того, как решила организовать в Лианоре бордель. Большинство столичных аристократок презирали за это Розу Тарс. Особенно те, с кем она училась в этой самой Лианоре.

норской академии магии.

Но это долгая история.

— Да, — ответила я гному. — Я её приёмная дочь.

Позади меня снова громко охнули. И это точно был не один человек.

Прекрасно. Чувствую, к началу учёбы в академии все будут знать о моем родстве с матушкой Розой...

— Факультет целительства, — прочитал привратник на пропуске, протянул его обратно и, к моему удивлению, сказал мне то же самое, что и Рональдин: — Удачи, деточка.

Я поблагодарила и вошла на территорию академии.

Тут же всё случившееся возле главных ворот отошло на задний план. Ведь я так мечтала попасть сюда! И теперь с нетерпением оглядывалась по сторонам.

Возле стены, окружавшей академию, был не парк, а скорее лес. Множество самых разных деревьев и кустарников, высокая трава, дикие цветы, в глубине даже озерцо мелькнуло. Но чем дальше я двигалась по дороге, что вела от ворот вглубь территории академии, тем сильнее менялся окружающий пейзаж. Лес становился парком, сама дорога была уже не протоптанной лесной дорогой, а ухоженной парковой дорожкой, присыпанной мелкой серой галькой. Появились бордюры и клумбы, фонтаны, скамеечки, вазоны с цветами. А подняв глаза, я смогла рассмотреть уже — наконец-то! — здание академии.

Выстроенное из простого серого камня, без всяких укра-

шений, здание было довольно большим, со множеством башенок, переходов, несколькими уровнями этажей. Совсем не похоже на императорский замок в Лианоре. Но почему-то казалось, что академия, в отличие от замка, живая. Что не только я смотрю на неё, но и она — на меня.

— Шайна!

Я и не заметила, что не одна здесь, и едва не врезалась в Рональдин. Она засмеялась, увидев моё замешательство.

— Я, честно говоря, побаиваюсь идти дальше одна. Давай вместе?

Ох, как я её понимала.

— Давай.

И мы пошли.

Наверное, со стороны это выглядело смешно. Маленькая светловолосая девушка, похожая на богиню Айли, и высокая, широкая в кости я. Со сдвинутыми бровями и угрюмым лицом. И почему Рональдин выбрала именно меня в качестве моральной поддержки?

Но думать об этом было некогда. Я оглядывалась, рассматривая всё вокруг. И чем ближе мы подходили к зданию академии, тем сильнее крутило живот и тем величественнее и монументальнее казалось само здание. Хотелось повернуть обратно и убежать подальше.

Кстати, Лианорская академия магии на самом деле не только академия, но ещё и школа. Туда принимают детей с восьми лет для получения начального магического образо-

вания. Того самого, которого у меня нет. Находится Лианорская школа магии в том же здании, что и академия. Это часть магии самого здания — учащиеся школы никогда не встречаются со студентами академии, хотя никаких заборов или стен здесь не имеется. Я несколько лет назад целую книгу прочла об этом феномене... Там было написано, что школьники живут в одной половине здания, а студенты — в другой, но, даже если захотят, не смогут встретиться. Автор называл это «эффектом бумеранга». Школьники всегда возвращались в школу, а студенты — в академию.

— Рональдин...

— Дин, — откликнулась она, и я даже не сразу поняла, что значит это «Дин». — Можно просто Дин.

— Ага, — глупо ответила я. Мне тоже хотелось сказать «можно просто Шани», но «Шани» меня называла только мама. Ну и матушка Роза, конечно. — Как думаешь, кому из богинь молиться, чтобы сдать экзамен?

Рональдин засмеялась, забавно жмурясь, словно кошка на солнце.

— Мама всегда говорила, что молиться Дариде бесполезно, потому как она же Судьба — всё будет по судьбе, то есть можно и не сдать, — сказала Дин. — А Айли до экзаменов... дела нет. Поэтому надо молиться Халяве.

— Ха... — попыталась повторить я, но запнулась, увидев следующие ворота, точнее дверь. Широкую двустворчатую дверь — вход в академию. Никаких привратников рядом не

стояло.

— Ха... — пробормотала Дин. — Боюсь, ей молиться уже поздно. Пошли?

Я кивнула.

Я много слышала и читала о Лианорской академии магии, но в тот день убедилась во всём сама.

Только потом, уже после экзамена, я вдруг поняла, что мы с Рональдин никого не встретили в парке и на дорожке, хотя этого не могло быть. Не могли мы идти с такой скоростью, чтобы не догнать никого из тех, кто зашёл в ворота до нас, а следующие за нами не могли так отстать, чтобы не догнать меня и Дин.

Значит, академия сделала всё, чтобы мы никого не встречали. Зачем?

Впрочем, чем бы она ни руководствовалась, я была ей за это только благодарна. Не люблю толпы.

И я это в полной мере ощутила, когда мы с Дин открыли дверь и вошли внутрь. Огромный зал был заполнен этой самой толпой. Высокие потолки, широкая лестница наверх, большая, звенящая стекляшками люстра, стены в бордовых с золотом обоях, причудливый паркет на полу... и толпы, толпы повсюду. О ужас. Я непроизвольно дёрнулась и вцепилась в руку Дин, отчего чуть не упала. Я терпеть не могу, когда ко мне прикасаются, а тут сама потянулась за прикосновением и поддержкой. Вот что значит — экзамен. Нервы.

Потом я заметила, что народ постепенно рассасывается, по очереди заходя в несколько дверей, на которых при этом загорались зелёные огоньки, словно глаза. Я присмотрелась — на одной из дверей было написано «Факультет боевой магии», на другой — «Факультет прикладной магии», на третьей — «Факультет целительства».

— Видимо, нам надо разделиться. — Рональдин пришла к такому же выводу, что и я, и мы, кивнув друг другу, направились каждая к своей очереди. К слову, моя была самой длинной. Но я прекрасно знала, что на факультет целительства самый большой конкурс. На боёвку шли лишь очень сильные маги, факультет прикладной магии предпочитали те, кто хотел не только использовать артефакты, но и делать их. А вот целителем чисто теоретически могли стать все остальные. Но теория, как водится, сильно расходится с практикой.

Возле двери с надписью «Факультет целительства» стояла молодая женщина в форменном плаще академии. Именно она тыкала каждого абитуриента в бок, если он мешкал и не заходил внутрь, когда зажигались зелёные огоньки на двери. А мешкали почти все.

И она же раздавала указания писклявым неприятным голосом:

— Заходите, ищите глазами преподавателя, на столе которого горит зелёный огонь, идёте к нему, садитесь перед ним на стул и делаете всё, что он скажет.

Юноши и девушки в очереди переминались с ноги на но-

гу, бледнели, краснели, дрожали и дёргались. Кажется, я по сравнению с ними просто образец хладнокровия. Внутри только всю скручивает и выворачивает, а по виду и не скажешь.

Моя очередь подошла минут через пятнадцать, когда я уже дошла до состояния «выпустите меня отсюда!» Мне вдруг стало безразлично, поступлю я или нет, лишь бы поскорее уйти. Но, когда я наконец оказалась перед дверью и на ней зажглись два зелёных огонька, волнение неожиданно ушло. И за порог я шагнула, полная решимости сделать всё от себя зависящее и поступить.

«Ты обязательно будешь учиться здесь, Шани, — говорила мне мама десять лет назад, показывая изображение Лианорской академии магии в книжке. — Обязательно будешь. И станешь самой лучшей студенткой...»

Стану, мама. В лепёшку расшибусь, но стану.

За дверью оказался большой зал. Точно такой же причудливый паркет из светлого и тёмного дерева лежал на полу, но стены были не бордовые с золотом, а просто бежевые. Много маленьких светильников висело под потолком и на стенах. Я насчитала пятнадцать столов, расставленных по всему залу на приличном расстоянии друг от друга, за каждым из которых сидели преподаватель и абитуриент. Некоторые поступающие что-то увлечённо рассказывали, другие показывали какие-то свои магические умения, третьи конфузились

и мямлили. Как сказала бы матушка Роза: «Дурка, как она есть. Грузи и вывози».

Зелёный огонь горел за самым дальним столом, туда я и направилась, стараясь всё же не смотреть на своих товарищей по несчастью. Почему-то когда я смотрела на них, ко мне возвращалась прежняя нерешительность.

Впрочем, она и так ко мне вернулась, когда я увидела, кто сидит за столом экзаменатора. Это был эльф. Тёмный эльф.

Нет, только мне могло так повезти. Я ненавижу тёмных эльфов! У меня на это есть свои причины, и меньше всего на свете я бы хотела сдавать экзамен эльфу.

Но делать нечего. Никто не предлагает выбирать, здесь ставят перед фактом. Теперь главное — чтобы этот эльф о моей неприязни не догадался. Жаль, актриса из меня не очень. Мягко говоря.

— Здравствуйте, магистр.

Магистрами в школе и академии было принято называть всех учителей, кроме тех, кто носил звание профессора. Магистром становятся заканчивая академию и получая право на преподавание — для этого нужно сдать специальный экзамен при выпуске. А для того, чтобы тебе присвоили звание профессора, необходимо написать и защитить диссертацию.

Определить звание преподавателя можно посмотрев на правый карман форменного плаща. У студентов там обозначают курс, у преподавателей — звание. Одна красная полоска — магистр, две — профессор. У этого эльфа полоска бы-

ла одна.

Он кивнул мне, глазами указал на стул. Я послушно села и уставилась на экзаменатора.

Типичный такой эльф... Чёрные волосы до плеч, из-под которых видны кончики острых ушей. Бледная кожа, пронзительные тёмные глаза. Очень пронзительные. Как два ножа.

Тонкие губы, длинные пальцы на руках, перстень-печатка на среднем пальце... с гербом императора? Однако. То есть этот эльф не просто эльф, он ещё и лорд. Какая бяка.

— Меня зовут магистр Дрейк Дарх. Можете называть меня просто магистр или магистр Дарх. А теперь назовите своё имя.

Судя по выражению лица магистра Дарха, я ему сразу не понравилась. Что ж, я его понимаю. Я себе тоже не нравлюсь. Особенно по утрам.

— ШайнаТарс.

Как только я назвала имя, перед преподавателем появился листок с какими-то записями. Что-то вроде личного дела?

Интересно, этот эльф тоже спросит про родство с матушкой Розой?

Не спросил. Уставился в листок так, будто тот был по меньшей мере облит блевотиной или даже ядовит.

А потом начал зачитывать мне то, что я и так знала:

— ШайнаТарс, двадцать лет, желаемый факультет — целительства, нет сертификата об обязательном начальном ма-

гическом образовании, маг Тьмы и Крови. Крови...

Я не поняла, вопрос это или нет, но на всякий случай уточнила:

— Да.

Когда магистр Дарх поднял голову и впился в меня до крайности неприязненным взглядом, я поняла, что лучше было промолчать. Мама всегда говорила — лучше молчать, если тебя не спрашивают. А иногда лучше молчать, даже если спрашивают...

И началось.

— В целители обычно идут владеющие Светом. Вы ведь знаете, Свет — первейший Источник силы для любого лекаря. Вы им не владеете.

— Тьма тоже может лечить, — возразила я. — Вам ли не знать, магистр?

Глаза Дарха сузились. Опять я что-то не то сказала?

— Назовите мне три основных свойства корня горькой болотной росы.

Я вздрогнула, но выдала почти машинально:

— Вызывает сонливость, затормаживает реакции, в больших количествах способен на время лишить зрения, слуха и обоняния.

— Где в Эрамире можно найти лапотник?

— На севере. В хвойных лесах.

— Для чего нужна шерсть горного кота?

— Она помогает при лечении болезней суставов...

— Кому будет вредна кровь молодой мышехватки, известная своим тонизирующим эффектом?

— Беременным женщинам...

— Из каких ингредиентов получается самое крепкое сонное зелье?

— Назовите все анатомические отличия человека и эльфа мужского пола.

— Самый эффективный способ остановить кровотечение?

...И так далее и тому подобное. Я потеряла счёт вопросам и времени. Только отвечала, отвечала, отвечала... как говорящий справочник на все случаи жизни.

Магистр ничего не комментировал, лишь задавал вопросы. А я отвечала.

Неизвестно на каком вопросе я вдруг поняла: он просто хочет меня замучить, подловить на чём-то одном и на основании этого поставить плохую оценку. И чем быстрее и лучше я отвечала, тем сильнее мрачнел магистр Дарх. Словно я была его личной мозолью на пятке, которую обязательно надо вылечить.

А потом я поняла — я его ненавижу. Надо мной ещё никто так не издевался! Даже мама.

— Что ни при каких условиях не сможет выпить оборотень?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но замешкалась. Ни при каких условиях?..

Магистр Дарх торжественно прищурился. Наверное, он бы непременно сказал какую-нибудь гадость, но ему не дали.

— Насколько я помню, магистр, правилами академии запрещено принимать экзамен у одного абитуриента более полутора часов. Вы экзаменуете эту юную особу уже... один час двадцать девять минут и сорок секунд. Я думаю, пора закругляться.

Меня затопило сначала холодом, а затем жаром, когда я услышала этот голос.

Я не могла его не узнать. Слишком часто я его слышала... во сне.

Это действительно была она. Аля...

— Вы правы, профессор. Но я не уверен насчёт этой абитуриентки...

— Зато я уверена, магистр. Уверена, что она уже минут пятьдесят как должна быть студенткой академии, а вы вместо того, чтобы отпустить девочку, закидываете её вопросами.

Наяву она была ещё прекраснее. Намного прекраснее. Распущенные сияющие волосы — одна прядь, возле левого виска, будто бы седая, — ясные голубые глаза, вспыхивающие и кружащиеся искорки вокруг зрачка. Высокая грудь, белое платье с длинными рукавами и подолом до самого пола. Я была уверена, что и сейчас она босая, как в моём сне.

— Эмил... Она маг Тьмы и Крови! — Разозлённый голос за моей спиной.

— Это диагноз? — Лёгкая улыбка.

— Нет, но... С тех пор больше не было... Тебе мало?!

— Разуй глаза, Дар! Это не она. Не она! — Голубые глаза на миг полыхнули гневом. — Оставь в конце концов своих призраков, Дар. Оставь!

Она развернулась и зашагала прочь. Я чуть было не бросилась следом, но вовремя вспомнила, что нахожусь на экзамене, и посмотрела на магистра Дарха.

Он был бледен. Ещё бледнее, чем в начале нашего разговора. И когда я посмотрела на него, опустил глаза и сказал: — Идите, Шайна. Вы приняты.

Пропуск, лежавший в ту секунду в нагрудном кармане моего платья, ощутимо нагрелся, словно расслышал слова магистра.

Принята. Принята!

Мама, слышишь?! Твою Шани приняли, приняли, приняли!

Поступившие, как выяснилось, выходили прямиком на улицу через другую дверь. И когда я тоже вышла и оказалась снаружи, то увидела голубое небо, услышала шелест листьев в кронах деревьев, окружавших академию, и мне почудилось, что даже сам воздух стал немного легче.

Будто камень свалился не только с моей души.

— Шайна!

Дин улыбалась широко и радостно.

— Поступила? — Я тоже улыбнулась. Она кивнула.

— И я!

Рядом сновали люди и не-люди, но теперь они меня больше не раздражали.

— Отметим? Здесь неподалёку хороший трактир есть, — предложила Рональдин, и я согласилась, не потому что очень хотела отметить — просто меня впервые в жизни пригласили в трактир. Не ресторан, конечно, но тоже неплохо.

По пути туда мы оживлённо обсуждали прошедший экзамен. Оказалось, что экзамен у целителей принимают в помещении общей столовой, боевики отвечают в Парадном зале, а прикладушники — в зале памяти.

— А чем они отличаются? Парадный и памяти...

— Это два бальных зала. В Парадном висят портреты всех императоров и императриц, а в зале памяти — групповые портреты учащихся академии, в основном выпускников. Если кто-нибудь из твоих родственников тут учился, можно найти его портрет в зале памяти.

Я вздрогнула. Мама... надо обязательно найти маму...

— Откуда ты так много знаешь об академии? — спросила я у Дин, когда мы вышли за пределы ЛАМ и двинулись по направлению к трактиру. — Я вот кучу книг прочитала про магический феномен и устройство, однако про залы там вроде бы не было.

— Я бредила академией лет с трёх, — улыбнулась моя новая знакомая. Я поразилась: с трёх лет! Я думала: дольше, чем я, об академии никто не мечтал. — Поэтому и знаю мно-

го. Кроме того, есть ещё кое-что... Но об этом позже. Мы пришли.

Трактир, куда привела меня Дин, был почти полон. Поступившие радостно голосили, непоступившие тихо напивались за компанию. Между столиков радостно носились подавальщицы, хозяин за стойкой радостно склабился. Ещё бы — такой улов! Сегодняшний день явно принесёт ему много денег. Главное, чтобы драки не было.

Видимо, я сказала это вслух — Рональдин вдруг заметила, лавируя между занятых столиков:

— Не будет никакой драки. Хозяин заведения несколько лет назад заплатил кучу денег за специальные чары. В случае чего зачинщики моментально засыпают и просыпаются уже протрезвевшими. Сама ректор академии помогала зачаровывать этот трактир. После того как его трижды отстраивали заново...

Я хмыкнула. Да уж, представляю, что здесь творилось. Студенты народ горячий и местами глупый, разнесут и не заметят.

Незанятый столик оказался в самом углу, наполовину скрытый за колонной. Дин шла туда целенаправленно, будто бы знала, что он там есть. И, усевшись, тут же позвонила в колокольчик, что стоял на столе.

— Что вам, уважаемые? — Я вздрогнула: так быстро появилась подавальщица. Я не успела и на стул опуститься, а она уже тут... с блокнотом и карандашом.

— Вашей фирменной наливочки, конечно, — сказала Дин, а я замотала головой:

— Нет-нет, я не пью!

— Ты попробуй просто, — засмеялась моя новая знакомая. — Если не понравится, я допью, а ты себе чего-нибудь другого возмёшь. И пирожков нам, пожалуйста. С ягодами.

Обычно меня раздражает подобная бесцеремонность, но у Дин всё получалось так легко, что совсем не хотелось спорить. Кроме того, сама бы я в жизни не смогла ничего заказать. Я знала только названия различных коктейлей, которые подают в заведении матушки Розы. Но этих коктейлей больше нигде нет, они ведь не для того, чтобы праздновать что-то или даже просто пить. Для увеличения желания, для снятия напряжения, для... Ну, много разных. Но тут таких точно нет. А из еды матушка Роза подает только маленькие трехслойные бутербродики на шпажках. Как она говорит: «К нам приходят не жрать, а трахаться. Если здесь ещё и еда будет вкусная, некоторые тут жить останутся. А оно нам не надо».

В итоге оказалось, что Дин была права — мне страшно понравилась эта наливка. Она была слабенькая, но такая вкусная... Сладкая, пряная, фруктовая. Я чуть язык не проглотила.

— А кто у тебя принимал экзамен? — спросила Рональдин, откусывая большой кусок от пирожка с лесными ягодами.

То ли это наливка была виновата, то ли просто... но ме-

ня прорвало. Я рассказала, как издевался надо мной на экзамене этот странный эльф. Магистр Дарх... Имя его я уже умудрилась забыть.

Я точно знаю: если бы что-то подобное рассказала мне Дин, я бы сказала: ерунда, тебе показалось, а может, он просто был не в настроении. Я бы не поверила в то, что преподаватель на экзамене хочет просто завалить абитуриента, невзирая на его знания. Зачем ему это делать?

А вот Дин сразу мне поверила.

— Да-а-а... дела, — пробормотала она, качая головой. — Хорошо, что ректор вмешалась.

Я поперхнулась наливкой.

— Кто?..

— Ректор. Судя по твоему описанию, это была Эмирин Аррано.

Я смотрела на Дин, вытаращив глаза.

Нет, я слышала это имя, конечно. Но никогда не видела портрет... и не предполагала, что Аля, которая снилась мне с десяти лет, ректор Лианорской академии. Но почему тогда — Аля? Ни одной из этих букв нет в имени Эмирин.

— Кстати, — Дин вдруг рассмеялась, — как бы ты ответила на последний вопрос магистра Дарха?

Я пожала плечами.

— Что ни при каких условиях не может выпить оборотень? Ну, я хотела ответить «алкоголь», но потом задумалась. Я читала, что оборотни не любят алкоголь, но «ни при

каких условиях»... Как-то слишком категорично.

— Именно! — Дин щёлкнула пальцами. — Это некорректный вопрос! На него невозможно правильно ответить, и я — тому доказательство.

— В смысле?..

Моя новая знакомая широко улыбнулась, откинулась на спинку стула и произнесла с видимым удовольствием:

— Я оборотень. Но, как ты видишь, я вполне способна пить алкоголь. — Она отсалютовала мне бокалом с наливкой. — Так что магистр Дарх явно погорячился, когда говорил «ни при каких условиях». Более того, маме тоже очень нравится эта настойка. И... папе.

Дин вдруг помрачнела, и я решила не спрашивать. Вместо этого сказала:

— Я думала, оборотни учатся в Арронтаре. А тут вдруг Лианорская академия...

— Я же говорила, что бредила ею с трёх лет. А мама всегда считала, что детей нужно поощрять в их разумных желаниях. Это желание было причислено к разумным. Вот так. Ещё наливочки?

— Давай!

Глава вторая

Наследный принц Дамир

За месяц до вступительных экзаменов в ЛАМ

Второй месяц наследнику было смертельно скучно. Император запретил покидать дворец, даже в закрытом семейном парке гулять можно было только под присмотром дюжины стражников и главного придворного мага. Но у Аравейна было полно дел и он не мог заниматься ещё и выгуливанием заскучавшего принца, хотя и искренне ему сочувствовал.

Через месяц Дамир ощутил почти непреодолимое желание начать разбирать дворец по камешку. Ещё через неделю стал строить планы побега. А на исходе второго месяца всё-таки решил поговорить с дядюшкой и по совместительству императором.

Дядюшку Дамир любил, но считал несколько ненормальным. Впрочем, оно и неудивительно. С тех пор как десять лет назад начали пропадать и умирать члены правящей династии Альтерр, дядюшка слегка двинулся на безопасность. А может, и не слегка. Так или иначе, но поначалу это ещё можно было терпеть. Увеличение числа штатных стражников и магов, многочисленные заговоренные амулеты... Глава Тайной службы менялся за эти годы трижды — каждый раз после смерти кого-либо из династии.

Невредимым оставался лишь сам император Велдон. Его обходили стороной все покушения, а вот остальным не везло. Двоюродного брата императора убили первым, следом пропала племянница его величества, двадцатилетняя Веста. Потом к Дариде отправилась троюродная сестра Велдона — Сесилия, а её сын, пятнадцатилетний Робер, исчез.

Отца Дамира, который приходился Велдону родным братом, убили три года назад, и это была последняя смерть в их семье. Впрочем, умирать уже было особо некому... Оставались сам Велдон, Дамир, его сестра-близнец Данита и двоюродный дедушка Редж, который не имел никаких прав на престол, поскольку был внебрачным сыном правящего много лет назад императора Интамара Третьего.

Мама Дамира и Даниты была жива и совершенно здорова, просто она всегда прохладно относилась к остальному семейству, а уж когда начались покушения — тем более. И как только погиб муж, она почти сразу выскочила замуж во второй раз и уехала из столицы далеко на север.

Дамиру это было совершенно безразлично — он никогда не был близок с матерью. Данита проревела одну ночь, а потом успокоилась, и больше они не вспоминали мать.

Так что в каком-то смысле наследник императора понимал. Ни жены, ни своих детей у Велдона не было, да и не могло быть. Поэтому он изо всех сил старался уберечь Дамира. Даните было позволено немного больше — она по крайней мере могла гулять по парку, да и по городу тоже. Император

даже позволил ей поступить в Лианорскую академию магии на целителя. Хотя они с Дамиром всегда хотели учиться на факультете боевой магии. Но какая боевая магия, если династия за десять лет почти угасла? А если что-то случится?

Вот по поводу учёбы наследник и хотел поговорить с дядюшкой. В конце концов, если он не будет выходить из дворца, то рано или поздно никаких убийц не понадобится — сам с башни спрыгнет. А если Велдон не разрешит ему учиться — хотя бы на целителя! — то тем более спрыгнет. Потому что на кой кхаррт такая жизнь?

На этаже, где жил император Велдон, горел яркий свет. Странно, в это время слуги уже уменьшали освещение — почти ночь всё-таки. И стража, стража повсюду... Да и сам Дамир за собой двоих стражников привёл. Вместе с дежурным магом.

Скоро, наверное, он и в туалет со стражей будет ходить... — Доложите его величеству, — сказал наследник главному караульному у дверей покоев Велдона. Тот кивнул, постучался и, дождавшись ответа изнутри помещения, шагнул за порог.

Буквально через пять секунд он вышел обратно и обратился к Дамиру:

— Заходите, ваше высочество.

Дядюшка был не один. В кресле возле входной двери сидел дежурный маг, а сам Велдон стоял возле окна с бокалом

вина.

Император был очень красив даже сейчас, когда ему уже перевалило за сорок. Впрочем, для такого хорошего мага, каким он был, это совсем не возраст. Темные короткие волосы, глаза — как две большие вишни, волевые скулы и подбородок. Женщин он в себя влюблял только так и непременно бы изменял жене, если бы она у него была.

— Ты как раз вовремя, Дамир, — сказал Велдон, увидев племянника. — Я уже собирался посылать за тобой. Айзек, на сегодня ты мне больше не нужен.

— Вы уверены, ваше величество? — поинтересовался дежурный маг, вставая тем не менее с кресла.

Дамир тоже удивился. Не так давно император принял решение, что он сам, а также Дамир и Данита должны круглые сутки находиться под присмотром как минимум дежурного мага. Маги эти менялись каждые восемь часов, охраняя даже сон императора и наследников.

Больше всего это раздражало Даниту. Почти все маги, состоящие на службе в отделе безопасности, были мужчинами. Дядюшке оказалось бесполезно объяснять, что она стесняется, а эти, как она говорила, «наглые мужланы» с удовольствием таращатся на принцессу в ночной рубашке. Особо ретивые пытались убедить Даниту, что она и мыться должна под присмотром, но она была не готова к таким жертвам и сломала парочке нахалов из отдела безопасности их бесцеремонные носы.

Когда дежурный маг вышел из покоев, Велдон указал Дамиру на одно из кресел, что располагалось возле стола посреди комнаты. На столе обнаружились початая бутылка вина, фрукты и сыр.

— Угощайся.

— Нет, дядя, спасибо. Мне поговорить с тобой надо.

Император уселся в кресло напротив племянника и налил себе ещё вина.

— Я даже знаю о чём, Дамир. Во дворце тебе скучно, ты больше не можешь сидеть взаперти, хочешь учиться в академии... Я ничего не пропустил?

— Дядя Велдон, — наследник поморщился. — В твоих устах это всё звучит как какие-то капризы. Но ты пойми — это не каприз, а жизненная необходимость! Ни один человек, даже человек из рода Альтерров, не способен так долго бездельничать.

— А зачем ты бездельничаешь? Займись государственными делами, не выходя из дворца.

— Дядя Велдон, — почти взвыл Дамир, — да пойми ты наконец! Я скоро свихнусь!

Император фыркнул.

— Ты, конечно, преувеличиваешь. Человек ко всему привыкает. Но можешь радоваться, я действительно хочу решить эту проблему, поэтому тебя и позвал.

Наследный принц фыркнул. Позвал! Да он же сам пришёл.

Вот в этом был весь дядюшка. Не «ты пришел», а «я позвал», не «ты сделал», а «ты выполнил мою просьбу?». Временами Дамир думал: неужели он тоже станет таким после того, как наденет венец власти? И будет рассматривать окружающих людей и вообще весь мир через призму своего императорства?

— В чём-то ты прав, Дамир. — Велдон задумчиво повертел в руке бокал с вином. — Невозможно всю жизнь просидеть в замке под присмотром целого полка из стражников и магов. Поэтому... ты же хочешь учиться в академии? У тебя будет такая возможность.

Дамир недоверчиво прищурился.

— Учти, дядя, я не собираюсь ходить на занятия с сопровождением. Я...

— Да подожди ты! Не будет никакого сопровождения. У твоего отца, Мир, было постоянное сопровождение, однако это его не спасло... Поэтому мы сделаем по-другому. Мы...

Договорить император не успел — в дверь постучались, а затем в покои заглянул один из караульных.

— Ваше величество... — глаза у него были величиной с монеты. — Там к вам...

— Знаю, — махнул рукой Велдон. — Пускай заходит.

Стражник немного помялся, пожевал губами, но всё-таки сказал:

— Ваше величество, но ведь вы отпустили дежурного мага... Это может быть опасно...

— Пускай заходит, я сказал. Разберёмся.

Решение императора служивому не понравилось, но спорить на этот раз он не стал. Просто распахнул двери, впуская в покои...

— Тётушка Эм?!

Дамир так удивился, что немедленно вскочил с кресла и дёрнулся навстречу вошедшей в комнату женщине.

Тётушка Эм! Данита всегда называла её тётушкой Рини — два разных сокращения от имени Эмирин. Они с сестрой обожали её с тех самых пор, когда впервые увидели — близнецам тогда было пять. Но, к сожалению, двадцать лет назад, когда Дамиру было два года, Велдон поссорился с Эмирин и запретил ей появляться в замке. Так что близнецы могли видеться с ней только во время поездок на земли оборотней, в Арронтар. Либо сбегать из дворца в академию, где она была ректором.

Последние три года Дамиру ни разу не удалось сбежать из дворца, поэтому он почти не видел тётушку Эм.

— Я тоже рада тебя видеть, Мир, — засмеялась она, подошла ближе и обняла наследника. — Какой же ты стал... настоящий Альтерр.

От неё всё так же пахло лесом. Весенней зеленью, солнцем, свежестью...

В детстве Дамир был в неё влюблён. Да и сейчас, когда тётушка Эм обняла его, коснулась прохладной рукой его щеки, улыбнулась и в её глазах вспыхнули и закружились яр-

ко-жёлтые искорки — даже сейчас Дамир почувствовал, что в сердце по-прежнему стало горячо и сладко.

— Эмирин.

Голос у императора был странно напряжённый, хотя по лицу Дамир не заметил волнения. Тётушка Эм отпустила его, и наследник нехотя отстранился, оглядываясь на Велдона. Тот тоже встал с кресла и теперь стоял, возвышаясь над собеседниками на добрую голову, и взирал на Эмирин, сложив руки на груди.

— Вел, — сказала женщина мягко и тихо. — Тебя я тоже рада видеть.

Император хмыкнул.

— Я не отменяю своего приказа, Эмирин. Я по-прежнему не хочу, чтобы ты появлялась во дворце. Но на сегодня я сделал исключение.

Она негромко рассмеялась, сделала шаг вперёд и положила одну ладонь на грудь Велдона.

— А вот ты не изменился, мальчик мой. Годы и перенесённые испытания меняют многих, только не тебя. Я пришла не потому, что ты приказал, а потому, что ты попросил. Но попросить в письме и высказать просьбу в лицо — не одно и то же, верно?

Дамир с изумлением наблюдал, как его дядя, который всегда был столь хладнокровен, бледнеет, затем краснеет, а потом берёт ладонь Эмирин в свою руку и сжимает пальцы, словно хочет причинить ей боль.

— Я думала, за эти годы твоя ненависть ко мне угасла, — прошептала она, улыбаясь прямо в искажённое лицо императора. — Я ошиблась.

— Нет, — выдохнул Велдон, отталкивая её руку. — Ты не ошиблась. Тебя невозможно ненавидеть, Эмирин, ты же знаешь.

— Разве?

Его величество несколько секунд смотрел ей в глаза, а Дамир смотрел на него, и не узнавал собственного дядю. Вокруг Велдона всегда вертелись и крутились женщины, но ни на одну из них он не смотрел так, как в ту секунду на Эмирин.

— Ты поможешь?

Она кивнула.

— Иначе я бы не пришла, Вел. Но тебе нужно будет оставить меня наедине с Дамиром...

— Нет. Забудь. Придётся при мне всё делать, одного я его не оставлю.

— Не доверяешь?

— Дело не в этом, Эмирин. Ты же понимаешь.

Вместо ответа она улыбнулась, вновь поворачиваясь к Дамиру. Взяла наследника за руку, подвела к креслу, усадила и села рядом, но на пол.

Юноша почувствовал себя неловко. Тётушка Эм сидела так близко, что он ощущал тепло её тела и видел её глаза совсем рядом. Какие же они удивительные, голубые, голубее

неба, а эти искорки просто завораживают...

— Мир, твой дядя пригласил меня сюда, чтобы я кое-что сделала. Ты сможешь учиться в академии, но тебе придётся уйти из дворца сегодня же. Более того — никто не будет узнавать тебя, ты должен будешь научиться жить не как наследник.

— Что?.. — Он всё ещё не понимал.

— Я сделаю тебе другую внешность. Совсем другую. Ты уйдёшь из дворца сегодня же, амулетом, вместе со мной. Через месяц вступительный экзамен в академию, ты поступишь и начнёшь учиться.

— А Данита?

— Данита ничего не должна знать, — вмешался император. — Совершенно ничего, Дамир. Достаточно нас троих. В себе и Эмирин я уверен, проблема только в тебе. Никому нельзя рассказывать, понимаешь? Даже Даните. Она тоже будет учиться в академии, но под собственной внешностью.

— Но дядя, это опасно! Нита гораздо более слабый маг...

— Вот именно. Это ловушка, Мир, обыкновенная ловушка. Я до поры до времени нашего жадного до трона соперника не интересую, ты исчезнешь, останется Данита. Пойми, только так мы сможем поймать его и начать жить наконец нормальной жизнью. Твоя сестра будет находиться в академии, под присмотром преподавателей и Эмирин, до неё окажется сложно добраться. Но я думаю, *его* ничто не остановит...

— Ты правильно думаешь, Вел, — сказала Эмирин тихо.
— Особенно теперь, когда цель так близка. Дамир, Данита и ты. Чем сложнее задачка, тем ему интереснее её решать...

— Вы знаете, кто организовывает покушения?!

Дамир переводил удивлённый взгляд с помрачневшей Эмирин на императора. Дядя отвернулся, усмехнувшись.

— Предполагается, что да. Но хватит болтать. Эмирин, делай, что собиралась, и выметайтесь отсюда оба.

Дамир услышал тихий вздох сидевшей перед ним женщины. А затем она вынула из волос нечто, похожее на заколку — очень маленькую, в форме жучка, с острыми краями.

— Расстегни рубашку, Мир. Можно не полностью, несколько пуговиц... Да, так. Сейчас будет немного больно. Я могла бы убрать боль, ты знаешь, но нельзя.

Дамир зашипел — резким движением Эмирин разрежала ему кожу где-то в районе ключицы, воспользовавшись собственными когтями, и он вдруг вспомнил, как впервые увидел тётушку Эм обращённой. Им с Данитой тогда было десять, и большая белая волчица позволила детям потискать себя и даже покатала их на своей спине.

С тех пор он видел Эмирин обращённой много раз, но и не предполагал, что у неё настолько острые когти.

Однако оказалось, что это было лишь началом. Когда женщина начала опускать в рану заколку-жучка, боль стала почти невыносимой. Плечо словно калёным железом обжигало.

— Терпи, мальчик, — сказала Эмирин, а потом певуче зашептала какие-то непонятные слова. Пение перешло в рычание, и Дамир узнал древнее наречие оборотней.

Когда наследнику показалось, что он сейчас бесславно потеряет сознание от боли, её вдруг словно выключили. Дамир открыл глаза и с удивлением обнаружил, что Эмирин, зависнув над ним и уперевшись руками в подлокотники кресла, быстро и аккуратно вылизывает его рану, которая исчезает буквально на глазах.

И когда не осталось даже маленького шрама — будто никто и не засовывал Дамиру под ключицу заколку-жучка! — женщина встала с колен и довольно посмотрела на наследника.

— М-да, — раздался весёлый голос императора из соседнего кресла. — А ты жестока, Эм.

— Почему? — спросил Дамир и моментально охнул, услышав свой голос. Тонкий, девичий...

Наследник резко вскочил на ноги, подбежал к зеркалу в углу покоев императора, теряя на ходу штаны, и, внутренне холодея, уставился на своё отражение. Или не своё?..

В зеркале отражалась девчонка. Росточком небольшая, ниже Дамира, с волосами морковного оттенка, большими зелёными глазами и россыпью веснушек на бледном лице. Даже на бледно-зелёном...

— Тётя Эм... — простонал Дамир, ощупывая главное приобретение — небольшую грудь, похожую на две малень-

кие пирамидки. Потом, охнув, схватился за промежность... и рухнул на пол прямо возле зеркала.

— Да не волнуйся ты, Мир. Точнее, теперь Мирра. Мирра Дарлейн. Милая сиротка, выросшая в деревне рядом с Арронтаром. Остальное я тебе потом расскажу. А за... половые принадлежности свои не волнуйся. Целее будут.

— А что, мне даже нравится. — Велдон по-прежнему веселился. — Такого садизма от нас точно не ожидают. Мальчишку молодого в девчонку превратить!

Дамир почти не слышал, что они говорят. Он сидел возле зеркала и раскачивался туда-сюда, обхватив руками лицо, и с ужасом ощущал, как при каждом движении задевает локтями внезапно образовавшиеся груди.

— Послушай меня, — Эмирин вдруг села рядом и отняла его руки от лица. — Ничего в этом нет страшного. Это ведь не навсегда. Походишь так немного, пока мы не поймаем... кого надо. А потом я верну тебе твоё тело.

— Обещаешь? — спросил Дамир, совсем по-детски шмыгнув носом.

— Конечно, обещаю, — улыбнулась женщина и щелкнула его по носу. — Не унывай. Вырвешься сегодня из дворца, сможешь по столице погулять без стражи, сдашь экзамены, будешь учиться, как обычный человек. Наслаждайся, дурачок.

— А как же Данита?

— С ней всё будет в порядке, Мир. Обещаю.

Минут через десять, когда Дамир окончательно успокоился, Эмирин дала ему амулет переноса и сказала, что он перенесёт его в номер одной из лианорских гостиниц, где наследник должен сидеть до тех пор, пока она не вернётся.

И как только Дамир разбил амулет и исчез в серебристо-сером тумане, император тихо спросил:

— Ты уверена, что этот твой артефакт смены внешнего облика невозможно засечь?

— Уверена. Риланд над ним несколько лет работал, — ответила Эмирин, устало потерев глаза. — Чисто теоретически, артефакт возможно почувствовать, только если знать, в каком именно месте тела Дамира он находится, но и то придётся долго настраиваться и держать наследника в неподвижном положении. Нереально, Вел.

— Хорошо. Но ты всё равно за ним приглядывай.

— Буду, конечно, — она улыбнулась. — Я больше волнуюсь за Даниту.

Император поморщился. Сделал шаг вперёд и положил ладонь на талию Эмирин так невозмутимо и властно, будто имел на это право.

Она не стала ничего говорить или сопротивляться. Просто стояла, не переставая улыбаться. Как же это бесило Велдона... всегда бесило.

Ему хотелось хоть раз в жизни добиться от неё какой-то реакции на свои прикосновения. Пусть даже негативной. Но её не было... никогда.

Он сжал талию женщины сильнее, наклонился и поцеловал, раздвинув мягкие губы языком, лаская и покусывая их. Двадцать лет... двадцать лет назад он последний раз целовал Эмирин, и тогда она была такой же сладкой.

Но и тогда, и сейчас — никакой реакции. Просто губы.

— Разве это преступление — всю жизнь любить одну женщину? — прошептал Велдон, на секунду отстранившись. И содрогнулся от сочувствия во взгляде Эмирин.

За этот взгляд он ненавидел её ещё сильнее, чем любил.

— Не преступление. Но на твоей совести достаточно преступлений, совершённых из-за этой любви, Вел.

— Она сама виновата, — сказал он зло, запустив все пять пальцев в волосы Эмирин и чуть наклоняя её голову назад. — Триш сама виновата...

— Нет.

Твёрдый, уверенный голос. Император усмехнулся, в последний раз ожёг губы Эмирин поцелуем и оттолкнул женщину от себя.

— Она тебя едва не убила тогда из-за ревности. А ты её защищаешь. До сих пор защищаешь.

Она ничего не ответила. Как и тогда, двадцать лет назад, когда Велдон требовал, чтобы Эмирин помогла найти Триш, когда он рвал и метал, мечтая собственноручно убавить эту

двуличную гадину. Но Эмирин не помогла. Она не произнесла тогда ни слова, просто стояла и смотрела на него. Она не смогла предать ту, что сама предала её.

Что ж, несмотря ни на что, император понимал Эмирин. Ведь он сам был в похожем положении — так и не смог разлюбить женщину, что никогда не любила его.

— Иди, Эм. Я больше не держу тебя. Но помни, что ты обещала сохранить жизнь Дамиру.

— А Даните?

— Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь, что я скажу. Нита хорошая девочка, но как императрица она никакая. Мне будет больно, если она погибнет, но для Эрамира полезнее Дамир. Так что он в приоритете.

Она кивнула, так и не прокомментировав его циничное высказывание. А потом сказала:

— Береги себя, Вел. Я была рада тебя повидать... несмотря на то, что ты ни капли не изменился.

Он улыбнулся.

— Ты тоже ни капли не изменилась, Эм.

Глава третья

Шайна Тарс

Узнав, что я поступила в ЛАМ, матушка Роза закатила пир на весь мир. Точнее, на один конкретный бордель. Она даже закрыла его для посетителей, и вечер принадлежал только мне. Мы с девочками ели, пили, танцевали и бесились — и всё в мою честь. Вообще-то я не люблю торжества, но ради девчонок я готова потерпеть.

А вечером, когда я уже легла спать, ко мне в комнату вошла матушка Роза. Она всегда приходила ко мне, когда её что-нибудь волновало. Садилась рядом, гладила по голове, и глаза её влажно блестели. Я знала, о чём она думает в эти моменты.

У матушки Розы была дочь, её звали Эрли. Мы с ней были одноклассницами. Она была слабым магом, но тоже мечтала поступить в академию, как и я. Вот только мечтам её не суждено было сбыться — пять лет назад Эрли умерла.

Нет, её никто не убивал. Просто так иногда случается — дети умирают.

Она была моей лучшей подругой. Матушка Роза и девочки из борделя тоже мои друзья, я их очень люблю, но Эрли... она была для меня особенной. Я никому не рассказывала того, что говорила ей. Но почему-то сегодня, глядя в голубые

глаза Дин, мне вдруг захотелось вновь это сделать. Рассказать о том, что меня мучает.

— Я горжусь тобой, Шани, — прошептала матушка Роза, погладив меня по голове. — Очень горжусь. И твоя мама тоже гордилась бы тобой.

— Спасибо. А знаете, матушка Роза... я сегодня встретила одну девочку... Она сказала, что в академии есть зал памяти и там выставлены портреты всех, кто окончил академию. Значит, там можно найти и мамин портрет?

Мне так хотелось вновь увидеть маму. Хотя бы так — на портрете. У меня не осталось ни одного её изображения. Да и вообще почти ничего не осталось...

Рука матушки Розы, которой она гладила меня по волосам, остановилась. Я услышала тихий вздох, а потом не менее тихий ответ:

— Не нужно, Шайна. Не ищи её там.

Я на миг задержала дыхание от удивления.

— Что вы такое говорите?..

— Я не шучу. Не нужно, не ищи. Она осталась в твоей памяти, она живёт там, храни её. А в академии не ищи.

Я нахмурилась. Матушка Роза никогда не давала мне дурных советов и была не склонна к дурацким запретам, так почему же сейчас...

— Почему...

— Шайна, я не могу сказать. Просто поверь и не ищи. Тебе это не поможет, да и легче никому не станет.

Что значит — никому легче не станет? А кому ещё должно стать легче, кроме меня?

Матушка Роза между тем продолжала:

— Кара умерла и унесла все свои тайны с собой. Не нужно пытаться...

— Что — пытаться? — прошептала я, приподнимаясь на постели. — Я не собираюсь пытаться, я просто хотела увидеть маму ещё раз.

Матушка Роза не стала отвечать. Только покачала головой, наклонилась, поцеловала меня в щёку и вышла из комнаты.

А я вновь опустилась на подушку и закрыла глаза.

Триш... Триш Лаира.

Ей нравилось.

В окне дома мелькнул чей-то силуэт. Аля вскинула голову.

— Там кто-то есть, да, Триш?

— Да. Бабушка.

Женищина встала с лавочки, бросила Риланду: «Присмотри за ней» — и зашла в дом.

Там было темно, пахло сырým деревом, кислым молоком и капустой. А ещё теплом. Неприятно, даже нос зачесался.

Она прошла дальше, в гостиную, потом на кухню. За столом, покрытым какими-то разводами, сидела пожилая женщина. Седые волосы, грязные и спутанные, бельмо на

одном глазу, второй же смотрел ясно и остро.

— Зря ты это, — сказала женщина, поднимая деревянную кружку и делая глоток. — Лучшие бы её убили.

Аля улыбнулась уголками губ и села напротив, на обожжённый табурет.

— Почему вы так думаете?

— Брось ты выкать. Кто я тебе, принцесса, что ли? Я бы тебе могла «вы» сказать, да не хочу. Не привыкла я, уж извини. А эта девочка...

— Она твоя внучка?

Женщина кивнула.

— Моя.

— И ты хочешь, чтобы её убили?

Она вновь кивнула.

— Предсказатель я. И вижу — ничего, кроме беды, она не принесёт.

Аля задумчиво рассматривала лицо собеседницы.

— Значит, ты хочешь, чтобы её убили за то, чего ещё не случилось?

— Но ведь случится.

— Даже самый лучший предсказатель знает, что у будущего много вариантов. Тот, что видишь ты, не может быть единственным.

— Он и не единственный. Но самый вероятный.

— Вероятность здесь неважна. Главное, что он не единственный. И убивать за то, что ещё не случилось, нечест-

но. — Аля встала с табуретки. — Спрашивать, как её звали, не буду, это не имеет значения теперь. Я заберу её. Не возражаешь?

Женщина покачала головой.

— Не возражаю. Зря ты это... Жалеть будешь. Она ведь и тебе...

— Не говори. Не надо. Никогда не рассказывай того, что видишь. Никому. И не считай свои видения абсолютной истиной.

Женщина не ответила.

Только когда дом вновь опустел, прорицательница ухмыльнулась и прошептала:

— Пожалеешь...

.

Я проснулась в холодном поту.

Опять... но на этот раз — продолжение того сна про Триш. Оно мне никогда не снилось, а тут вдруг... Наверное, так подействовало на меня «знакомство» с Алей, то есть с Эмирин.

Надо будет поискать что-нибудь про Триш Лаиру. Не могла она совсем не оставить следов.

После этого сна я долго ворочалась и не могла уснуть. Со мной такое постоянно случается после приступов «вещих» сновидений, поэтому я их и не люблю.

Обычно в это время на первом этаже играет музыка, слышится мужской и женский смех — смена в самом разгаре.

Но сегодня в борделе была тишина — после празднования моего поступления все девочки завалились спать.

Я попала сюда десять лет назад. И мне самой тогда было десять. До той ночи я ни разу не видела матушку Розу, да и не слышала о ней. Я мирно спала, причём без всяких снов, когда вдруг услышала какой-то грохот, а потом меня буквально выдернуло из постели.

— Шани, малышка, проснись! — Горячий шёпот мамы раздался возле моего уха. — Проснись, детка.

Я никогда не видела маму в таком состоянии, как той ночью. Её каштановые волосы были взъерошены и напоминали разорённое птичье гнездо, в голубых глазах плескался страх. Она лихорадочно кусала губы и заламывала руки.

— Мам?..

— Тс-с-с... Шани, малышка, — мама обняла меня изо всех сил, сжала плечи, поцеловала в щёку. — Я люблю тебя. Что бы ни случилось в дальнейшем, помни об этом. Я очень люблю тебя, Шани, прошу, помни об этом всегда.

Я не понимала, почему она так говорит.

— А теперь слушай. Я дам тебе амулет — никогда не снимай его, милая. Никогда! Всегда носи с собой, на шее. Это важно, очень важно, Шани! Обещаешь?

— Обещаю. А...

— Тс-с-с... Девочка моя, сейчас я отправлю тебя к одной хорошей подруге, она позаботится о тебе. Слушайся её, ладно?

Я помню собственную растерянность в тот момент. Мама никогда не оставляла меня одну надолго...

— Мам... — начала шептать я, но она меня прервала:

— Всё-всё. Очень мало времени, детка, очень мало... Вот амулет, — мама достала из-под собственной ночной рубашки свой талисман, с которым раньше не расставалась, поразив меня этим до глубины души, и надела его мне на шею. — Не снимай, поняла? Что бы ни случилось. И помни, что я люблю тебя. Больше жизни люблю, Шани.

Мама в последний раз прижала меня к груди, поцеловала, заглянула в глаза — пронзительно-требовательно, словно старалась запомнить...

А потом послышался звон, и меня заволокло туманом. Мама исчезла, а я оказалась в борделе, прямо в комнате матушки Розы.

Ровно через неделю я узнала, что случилось тогда с мамой, — прочитала заметку в газете. Наш дом, в котором мы до этого жили два года, сгорел. Вместе с мамой.

Её звали Карой Джейл. А меня тогда называли малышкой Шани Джейл.

Теперь же я — ШайнаТарс. А кто убил маму, так и осталось неизвестным.

Месяц до начала учёбы пролетел быстро. Всё это время я самостоятельно занималась магией, стараясь подтянуть то, что необходимо было подтянуть, и заполнить пробелы. Мне

хотелось быть лучшей.

Рональдин я в этот месяц не видела, впрочем, она предупредила, что сразу после сдачи экзаменов вернётся в Арронтар, к родителям. Через две недели я получила от Дин письмо, к которому был приложен небольшой браслет, сплетённый из разноцветных нитей.

«Моё изобретение, — хвасталась она в письме, — амулет для спокойного сна. Ты вроде говорила, что плохо спишь? Тогда надевай на руку, должно помочь! Единственный его недостаток — менять надо каждые полгода. Но я надеюсь, что со временем придумаю что-нибудь более долговечное. Твоя Дин».

Меня поразил даже не сам факт присланного амулета, а вот эта подпись: «Твоя Дин». Мне было странно, но где-то в глубине сердца я радовалась, что она так написала.

За три дня до начала занятий пришло письмо от администрации ЛАМ, в котором указывалось, что через сутки все поступившие студенты должны с вещами прибыть в академию — для распределения мест в общежитии и получения комплекта учебников.

Для матушки Розы и девочек борделя этот день стал почти трагическим. Меня провожали так, будто я не учиться собиралась, а на войну. И отправлялась не в ЛАМ, находящуюся на другом конце города, а в суровые северные земли.

Впрочем, я понимала девочек. Мне самой было страшно и волнительно осознавать, что следующие пять лет жизни я

проведу преимущественно в стенах академии, а не там, где жила последние годы. Наверное, это странно прозвучит, но я привыкла к борделю. Привыкла к матушке Розе с её вечными странностями, привыкла к девочкам с их пошловатым юмором, привыкла к разнообразным звукам, доносящимся со всех сторон по ночам. Привыкла к мужскому смеху, скрипу кроватей, обилию специальных костюмов, что постоянно попадались мне на глаза повсюду, к каждодневной стирке простыней.

Я всегда была здесь чужой, и я чувствовала это постоянно. Нет, ко мне хорошо относились и любили, просто я хотела от жизни иного.

— Ты у меня пирожок совсем из другого теста, — говорила, улыбаясь, матушка Роза. — Мы — сдобные булочки. Кто просто с сахаром, кто с ванилью, кто с вареньем. Ты же — хлеб с отрубями.

— Почему? — недоумевала я.

— Потому что булочки — вкусные, но бесполезные. А хлеб с отрубями, особенно если он тёплый, — и вкусный, и полезный.

Матушка Роза любила подобные сравнения. Я же всегда была более прямолинейной, поэтому просто говорила, что жизнь в борделе — не моя мечта.

Лекарское дело — вот что нравилось мне по-настоящему. До дрожи в коленях.

И мне было немного стыдно за то, что, в отличие от дево-

чек и матушки Розы, я всё-таки больше радовалась, чем грустила о предстоящей разлуке. Конечно, мне было страшно, но и радостно тоже. Ведь я двигалась к своей мечте.

— Смотри не забывай нас, — тихо сказала матушка Роза, сажая меня в карету и подавая чемодан с вещами. — И навещай почаще. Договорились?

— Договорились, — кивнула я и чмокнула свою приёмную мать в щёку.

— Будь умницей, Шайна! — крикнула с крыльца Клоди.

— Учись хорошо! — вторила ей пышногрудая Лизетт.

— Лучше всех! — заключила рыжая Кэрри.

Я обещала.

Кареты в ЛАМ съезжались со всех концов Лианора. Самые обычные, как у меня, и парадные — у студентов побогаче. Останавливались, высаживали пассажиров возле ворот, где был организован пункт приёма багажа, и дальше все шли уже пешком и без чемоданов. Это напоминало ритуал — все студенты, и неважно, какого курса, шли в академию пешком. Сбивались в стайки, знакомились...

— Эй!

Я с удивлением осознала, что сердце от радости забилось сильнее.

— Привет, Шайна! — Дин налетела сзади — я даже не успела обернуться — и крепко сжала мою руку. — С возвращением в эти стены!

Она ничуть не изменилась за месяц — такая же толстая золотая коса, дружелюбные голубые глаза, большие улыбающиеся губы. Россыпь мелких веснушек на носу — словно капельки росы. И простое серо-коричневое платье с завязками под грудью.

— И тебя с возвращением, Дин.

Она принялась болтать о каких-то глупостях — о погоде и будущей учебе, о том, как она недавно покупала себе платье для того, чтобы ходить в них в академии, — а я просто шла рядом, слушала её голос — и мне было хорошо. Просто хорошо, без всякой причины.

На Дин оглядывались, пару раз я замечала заинтересованные взгляды парней, и я понимала их интерес — Рональдин была удивительно живой, настолько живой, словно она никогда не видела плохого и не знала о нём. Словно её сердце было свободно от боли... в отличие от моего.

В холле первого этажа академии, именно там, где мы стояли, ожидая начала экзамена, все толпились возле огромных чёрных досок со списками. Поначалу я не сообразила, что это такое, но потом, когда Дин, проталкиваясь сквозь толпу, подвела меня к одной, всё поняла.

— Вот, смотри! Первый курс. Мы, значит. Та-а-а-ак. Ага! Рональдин Арро, группа AP-1-1, комната 305.

— Что значит — AP?

— Артефактор. Давай, Шайна, ищи себя!

Я быстро проглядела список фамилий.

— ШайнаТарс, группа ЦЛ-1-2, комната 305.

Рональдин первая взвизгнула, сообразив раньше меня, что это значит.

— Комната 305! Ура! Мы будем жить вместе!

А я в тот момент окончательно уверилась в том, что академия действительно не совсем обычное здание. Она живая. Иначе почему нас с Дин поселили вместе?

В совпадения я никогда не верила.

Очереди в административно-хозяйственном отделе, где выдавали ключи от комнат, могли бы позавидовать все лучшие булочные Лианора. Правда, рассасывалась она быстро. Каждый студент получал не только ключ, но и бумажку с расписанием, а ещё небольшую книжулю — свод правил академии.

— Свод правил выносу с территории ЛАМ не подлежит, — напоследок объявил мне тот самый гном, что сидел у ворот в день сдачи экзамена. — Иди, деточка, обживайся. Следующий!

Стоявший следом за мной студент-старшекурсник немедленно занял:

— Господин Круц, а нельзя ли договориться, чтобы меня всё-таки переселили? Ну не могу я жить с братьями Люмер, они хулиганы и по ночам не спят, а мне учиться надо...

— Я уже говорил тебе, Грегор, как в списках появилось — так и селитесь. Никаких изменений! Иди-иди, заселяйся.

Следующий!

Дин рядом скептически хмыкнула, подхватив меня под локоть и уводя из АХО.

— Что значит — как в списках появилось? — спросила я у неё, почему-то пребывая в уверенности, что она знает ответ на этот вопрос.

— Потому что академия сама эти списки составляет. За-мректора просто вешает пустые листочки на доску, а к утру на них появляются списки. У академии какие-то свои критерии расселения студентов. Нам с тобой, видишь, повезло, а вот этому Грегору, видимо, не очень.

— С другой стороны, может, он этих братьев Люмер перевоспитает постепенно, — пожалала плечами я. — А если к ним кого другого подселить, с похожим характером, они вообще учиться не будут. А так, наверное, хоть что-то делают.

— Точно, — засмеялась Дин. — Надеюсь, нам подобного третьего в комнату не засунут. Не хотела бы я никого перевоспитывать, честно говоря.

— Третьего?

— Ну да. Тут во всех комнатах по трое живут.

Новость была для меня не сказать чтобы приятной — людей я действительно не любила, и они обычно отвечали мне взаимностью. Рональдин оказалась исключением. Впрочем, судя по тому, что она рассказывала о себе и своих родителях, человеком Дин всё же не была.

К общежитию можно было пройти по длинному переходу-

ду, который начинался на втором этаже основного здания и заканчивался на третьем этаже общежития. Именно на третий нам и было нужно.

Комната 305 нашлась слева по коридору. Коридор был не очень широкий, по полу вилась зелёная ковровая дорожка с золотой каймой по бокам, на стенах, между дверьми, висели светильники, напоминающие фонарики. В самом коридоре никого не было, кроме двух долговязых парней в дальнем конце — они оживлённо о чём-то переругивались, стоя перед одной из дверей.

Дин вставила ключ в замок, провернула два раза — раздался тихий звук, напоминающий всхлип, — а потом дверь медленно открылась, будто приглашая нас войти. И мы вошли.

Большое окно с широким подоконником, на котором стояли несколько цветков в горшках, три заправленные кровати — две по обе стороны от окна, третья справа от двери. Слева от входа обнаружился большой внушительный гардероб, а напротив стоял письменный стол, над которым висели полочки для книг.

И только войдя в комнату, я заметила ещё одну дверь — рядом с гардеробом. За ней оказалась небольшая ванная с раковиной, туалетом и душем.

Душ в собственной комнате! Об этом я даже мечтать не могла. Мне казалось, в академии должна быть общая умывальная, а тут вдруг такой сюрприз.

— Красота! Давай кровати занимать. Ты где спать хочешь? Чур, я слева от окна!

Я улыбнулась восхищению в голосе Дин, кивнула и заняла правую кровать. Мне, в общем-то, было безразлично, где спать, но если можно выбрать, то я предпочитаю всё же делать это на свежем воздухе.

И как только я села, на подушке появилась небольшая брошюрка. Судя по резкому выдоху Дин, у неё тоже.

— Что это?

Я не спешила брать появившееся — помнила слова мамы: «Пока ты не поймёшь, что перед тобой, не стоит за это хвататься». В тот день я обожглась о какой-то её артефакт.

— Расписание. Занятий и... вообще.

Заинтригованная прозвучавшим словом «вообще», я взяла в руки брошюрку и раскрыла её.

ШайнаТарс, ЦЛ-1-2, комната 305.

Подъём: 7.00

Завтрак — 7.30–8.30

Время занятий — 9.00–13.30

Обед — 13.30–14.30

Время занятий — 15.00–17.30

Свободное время — 17.30–23.00

Ужин — 18.00–19.00

Отбой — 23.00

Напоминаем Вам, что передвигаться по территории об-

щежития и академии после отбоя строго воспрещается.

О более подробных правилах поведения в академии вы можете прочитать в Своде правил.

Расписание занятий по дням недели

Понедельник

9.00–11.00 Биология (потоковая лекция)

11.30–13.30 Основы целительства (потоковая лекция)

15.00–17.30 Целительские зелья (практикум)

Вторник

9.00–11.00 Биология (практикум)

11.30–13.30 Целительство (практикум)

15.00–17.30 Прикладная магия (потоковая лекция)

Среда

9.00–11.00 Целительские зелья (практикум)

11.30–13.30 Целительство (практикум)

15.00–17.30 Боевая магия (лекция + практикум)

Четверг

9.00–11.00 Мировая история (потоковая лекция)

11.30–13.30 Мировая история (практикум)

15.00–17.30 Прикладная магия (практикум)

Пятница

9.00–11.00 *Физическая подготовка*

11.30–13.30 *Целительство (практикум)*

15.00–17.30 *Индивидуальные занятия с куратором*

Всю необходимую для обучения литературу можно найти в библиотеке академии, находящейся на 4 этаже основного корпуса.

— Я думала, целительство будет попозже, не на первом курсе...

— Оно и будет. Все пять лет будет! Так же, как у нас артефакторики. Но сначала там теория в основном, вам, конечно, никого сейчас лечить не дадут. Как и нам — делать артефакты, — Дин хмыкнула. — Ну почти. Что-то элементарное будет.

— А что значит — индивидуальные занятия с куратором? Удивительно, но Рональдин знала и это.

— А там внизу, на второй страничке, должен быть указан твой личный куратор. Только в ЛАМ так — не кураторы курсов, а личные кураторы. В зависимости от твоего дара тебе назначается личный куратор. У меня это, например, профессор Лора Григ — один из преподавателей артефакторики.

Я нашла взглядом имя своего куратора и внутренне полодела.

Личный куратор — магистр Дрейк Дарх.

Это тот самый, что принимал у меня экзамен?! О Дарида, за что?!

Я едва не застонала вслух. Чему меня будет учить этот зловередный эльф? Как дожить до конца индивидуальных занятий и не убить куратора?

— А можно поменять...

— Куратора? — Дин покосилась на меня, как мне показалось, с сочувствием. — Боюсь, это невозможно. По крайней мере, я никогда не слышала о подобных прецедентах.

Кажется, Рональдин хотела сказать что-то ещё, но ей не дали. Раздался тихий щелчок, и входная дверь отворилась, впуская в комнату нашу соседку.

Почему-то сразу, увидев её, я испытала нечто вроде облегчения. Девушка совсем не казалась похожей на вредину, стерву или истеричку. Небольшого роста, примерно с Дин, с рыжими волосами, заплетёнными в две толстые косы, и целой кучей веснушек на щеках, носу и даже лбу. Глаза у неё были тёмно-зелёные, как болотная тина, а губы маленькие и алые, словно бутон цветка. Да уж, за такую девочку посетители матушки Розы заплатили бы неплохие деньги... Увы, за десять лет, проведённых в борделе, я научилась в этом разбираться.

Больше всего меня удивило то, что она была в штанах и просторной белой рубашке, а не в платье, как все прочие студентки. По негласному правилу девушки здесь ходили в платьях, в том числе и я. Впрочем, я всегда ходила в платьях, у меня не было ни одной пары штанов, кроме пижамных.

«Девочки должны ходить в платьицах и юбочках, — гово-

рила матушка Роза. — Потому что они — девочки». Железная логика моей приёмной матери, с которой я никогда не пыталась спорить.

Девушка оглядела комнату, потом обратила внимание на нас с Дин, особенно — на Дин. На её лице вспыхнуло нечто вроде узнавания и радости, но почти сразу угасло, сменившись обычной вежливой улыбкой.

— Привет. Я Мирра Дарлейн. А вас как зовут?

— Рональдин Арро. Можно просто Дин.

Я кашлянула.

— ШайнаТарс.

Спросит, не спросит?.. Не спросила. Кивнула, прошла дальше и уселась на свою постель, не выразив возмущения по поводу того, что мы с Дин уже заняли лучшие кровати.

— Ты на каком факультете? — Рональдин с интересом рассматривала новую знакомую.

— На боевом, — буркнула Мирра, чётким, уверенным жестом хватая появившуюся на подушке брошюрку.

Я почему-то так и думала. Было в ней что-то... боевое. Несмотря на милую, даже кукольную внешность, выражение лица было решительным и немного угрюмым. Хотя до меня ей, конечно, далеко.

Мирра быстро пробежала глазами брошюрку — выглядела при этом так деловито, словно ей часто приходилось читать важные документы, — отложила её в сторону и вновь посмотрела на нас с Дин.

— А вы?

Я не сразу сообразила, о чём она спрашивает, в отличие от Рональдин.

— Я артефактор, а Шайна целитель.

— Представители всех трёх факультетов, значит, — Мирра хмыкнула совершенно не по-девичьи. — Что ж, давайте познакомимся поближе? Кто где родился, вырос, кто родители?

Ну прям допрос. Правильно она на боевой поступила, там как раз такие нужны.

Но Рональдин, в отличие от меня, подобное поведение не смутило — она рассмеялась и ответила так легко, как дышала:

— Я оборотень, родилась и выросла в Арронтаре. Белая волчица, если тебя это интересует. А вот о родителях моих давайте не будем, — она мягко улыбнулась. — Правду сказать я не могу, а врать мне как-то не хочется.

Я даже не успела удивиться — что такое с родителями Дин? — как Мирра обратилась ко мне:

— Ну а ты, Шайна?

А что я? Что я могу рассказать? Что мою родную маму убили? Или что я десять лет прожила в борделе? Не в качестве работницы, но сам факт.

— Как-нибудь потом, — выдавила я из себя. — Сейчас мне нужно идти. Извините.

Я встала с кровати и направилась к двери под удивлённым

взглядом Мирры и понимающим — Рональдин.

Хотя, конечно, вряд ли она могла меня понимать. Показалось, наверное.

Приёмную ректора я нашла, как ни странно, быстро. Хотя ни у кого не спрашивала дорогу — просто перешла по коридору, соединяющему общежитие с основным корпусом академии, погружённая в свои мысли, и шагала, шагала, шагала... Пока не уткнулась носом в большую двустворчатую дверь с золотой табличкой.

«Ректор».

В этот миг, глядя на табличку, я немного струхнула, признаюсь честно. Одно дело — видеть эту женщину во сне, а совсем другое — говорить с ней.

Так, Шайна, соберись. В конце концов, не съест же она тебя?

Собственно приёмная была небольшой комнаткой, посреди которой стоял стол, слева и справа от него возвышались шкафы с папками. Яркое солнце светило в окно, но секретарь сидела к нему спиной и не замечала этого. Я же, открыв входную дверь и шагнув внутрь, на несколько секунд почти ослепла.

— Вы к кому?

Прекрасный вопрос. Особенно если учесть довольно-таки однозначную табличку на двери.

Проморгавшись, я обнаружила, что за столом сидит жен-

щина, относящаяся к категории «бой-баба», как их называет матушка Роза. Большая и широкая, с выпирающей над поверхностью стола грудью, пучком тёмных волос на затылке и тяжёлыми очками на внушительном носу, секретарь производила неприятное впечатление. Как... грозный цепной пёс.

— К ректору, — всё-таки ответила я очевидное.

Женщина недовольно поджала губы.

— По какому вопросу?

— По личному.

— По личным вопросам давайте-ка с завтрашнего дня, уважаемая. Не подождёт до завтра ваш личный вопрос?

Вот уж действительно — цепной пёс...

— Что случилось, Адель? — раздался вдруг знакомый голос, дверь справа от меня открылась, и в приёмную вышла ректор.

Адель? Эту женщину зовут Адель? Какое милое и нежное имя, оно ей совершенно не подходит.

— Да ничего, профессор. Вот, по личному вопросу студентка к вам...

Ректор обратила внимание на меня, и под взглядом её сияющих и синих, как небо, глаз мне стало неловко и захотелось куда-нибудь убежать.

Интересно, она меня узнает? Нет, вряд ли.

— По личному? — Мягкая улыбка коснулась губ. — Хорошо, пойдём. — Ректор развернулась и скрылась в своём кабинете, поманив меня рукой. Я шагнула следом.

Здесь было уютно. Стена напротив — из двухъярусных книжных шкафов, с лестницей и балкончиком, слева два больших окна, несколько кресел, диван и журнальный столик с забытой на нём чашкой. Напротив двери — письменный стол с ящиками, на нём — настольная магическая лампа, куча книг и различных бумаг. А справа — ещё одна дверь и большое зеркало с серебряной рамой и мутной поверхностью.

Профессор Аррано, к моему удивлению, подвела меня не к столу, а к креслам и журнальному столику, села в одно из них и жестом указала мне на другое.

— Хочешь чаю?

Я покачала головой. Чаем я, пожалуй, подавлюсь...

— Нет, спасибо.

— Что ж, — ректор откинулась в кресле и ободряюще улыбнулась мне. — Тогда я тебя слушаю. Что за личный вопрос?

О Дарида, я в этот момент понимала Триш. Эта женщина... я никогда не видела никого прекраснее. На месте малышки Триш я бы тоже пошла с ней хоть на край света.

Интересно, где сейчас Триш?

Нет, я не столь глупа, чтобы об этом спрашивать...

«Никому нельзя верить», — так говорила мама.

— Я бы хотела попросить вас поменять мне личного куратора, профессор.

Ну вот, сказала. Можно выдохнуть... Только бы поменять-

ла!

Профессор приподняла брови, а затем вытянула руку куда-то в сторону и громко сказала:

— Личное дело!

Ей на ладонь шлёпнулась тоненькая папочка. Ректор положила её себе на колени, развязала и раскрыла.

— Так. Факультет целительства, первый курс, Шайна-Тарс. Шайна?..

Она вдруг словно охрипла. Вздрогнула и подняла на меня странно расширившиеся глаза, искорки в которых неожиданно начали кружиться быстрее.

Я не очень поняла суть вопроса, но всё-таки ответила:

— Шайна Тарс, да.

Профессор Аррано положила папку с моим делом на стол, а сама встала с кресла и... к моему полнейшему удивлению, опустилась передо мной на колени.

Я так изумилась, что не могла пошевелиться. А ректор между тем как-то странно дышала, прикрыв глаза и раздувая ноздри, будто... принюхивалась?

Но долго это не продлилось. Она открыла глаза, улыбнулась и, пробормотав: «Это безумие, быть того не может», встала с колен. Вернулась в кресло, вновь взяла папку с моим делом и продолжила говорить так, словно ничего не случилось:

— Твоим личным куратором назначен магистр Дрейк Дарх... Понимаю, ты не хочешь иметь с ним дело после всту-

пительного экзамена. Но, Шайна, я не могу тебе его помечать. Не потому что не хочу. Каждому студенту куратор подбирается исходя из его индивидуальных способностей. Ты — маг Крови, а магистр Дарх — единственный маг Крови в академии.

Я вздохнула. Так я и знала... Придётся терпеть этого эльфа и дальше.

— Не переживай, — профессор понимающе улыбнулась, — он больше не будет вести себя подобным образом. Характер у магистра, конечно, не сахар, но он прекрасный специалист. Вот увидишь.

Да уж, увижу...

Я встала с кресла.

— Спасибо, профессор. За понимание и за разъяснения. Я могу идти?

— Иди.

Я кивнула и уже прошла половину пути к двери, как вдруг услышала тихий голос ректора:

— Постой, Шайна.

Я послушалась, обернулась. Профессор Аррано... Эмирин шла за мной. Мягко и плавно двигаясь, текучая, словно вода...

Остановилась, улыбнулась.

— Скажи мне, Шайна... Ты знаешь, что означает твоё имя?

Взгляд её был спокойным, но улыбка — грустной.

— Что означает?..

— Да, Шайна. Что означает твоё имя?

Странно, но я никогда об этом не задумывалась. И мама... она никогда не говорила, что моё имя что-то означает. И матушка Роза тоже.

— Нет, я... не знаю.

Искорки в глазах профессора будто бы вспыхнули, на миг превратив радужку из голубой в золотую.

— Шайна — «слеза» на древнем наречии оборотней. Ты, я вижу, не оборотень, но тот, кто назвал тебя так, должно быть, хорошо знал наш язык. Это очень редкое имя.

Редкое имя... Древнее наречие оборотней...

Что это значит, мама?!

Глава четвёртая

Наследный принц Дамир

За месяц до вступительных экзаменов в ЛАМ

Унынию Дамир предавался недолго. Когда он при помощи амулета перенёсся в одну из лианорских гостиниц, некоторое время сидел на кровати и смотрел в стоящее напротив зеркало в большой тяжёлой раме. Непривычно было видеть себя таким. Да и в целом тело ощущалось каким-то чужим — слишком лёгким, чересчур тонким и мягким в некоторых местах. Грудь и область паха причиняли наследнику наибольшее неудобство. Грудь было многовато, а между ног — маловато.

Следующим испытанием стал туалет. Он был в комнате, как и душ, и Дамир некоторое время стоял над туалетной чашей, набираясь смелости. И только когда он всё сделал, ему вдруг стало легче. И хоть новое тело по-прежнему ощущалось странно и непривычно, катастрофой оно больше не казалось. В конце концов, у него же не выросли рога и хвост. Он всё ещё человек, пусть и другого пола. И вообще — это ненадолго. Да и не такая уж большая плата за возможность пожить нормально. Погулять по городу, поучиться... на факультете боевой магии!

Да за это Дамир был согласен все пять лет учёбы притво-

ряться девчонкой. Главное — чтобы никто под юбку не лез. Впрочем... нет, никаких юбок. Только брюки.

Так что к моменту появления в комнате Эмирин наследный принц был уже совершенно бодр и даже немного весел.

— Как ты? — Она села рядом с Дамиром на кровать и улыбнулась очень тёплой, понимающей улыбкой.

— Ничего. — Он улыбнулся в ответ. — Я справлюсь, тётя Эм.

— Я знаю, что ты справишься. Если бы я не была в этом уверена, то не стала бы превращать тебя в девочку. — Эмирин взяла наследника за руку и продолжила: — А теперь слушай внимательно, Мир. Я сделаю так, что ты запомнишь легенду о Мирре Дарлейн во всех подробностях. Я сделаю так, что ты будешь говорить о себе в женском роде, не напрягаясь. Но я, к счастью или к сожалению, не могу и не хочу полностью изменить твоё поведение. Его нужно будет смягчать. Как походку, так и жесты, мимику, некоторые слова и фразы. Дело не только в том, что ты теперь как бы девочка, но и в том, что ты больше не наследник. Ты привык не просить, а приказывать, в тебе много аристократизма. Мирра же — обычная девочка-сирота, пусть из благородных, но не настолько. Поэтому... старайся. Не забывай о том, как важно нам сохранить эту легенду.

— Я постараюсь, тётя Эм.

Она кивнула.

— Закрой глаза, Мир.

Странное ощущение невесомости во всём теле накрыло наследника, как только он сомкнул веки. И словно тихий шёпот... внутри головы. Шепчет, шепчет, шепчет...

Мирра... Мирра... Дарле-е-е-ейн...

— Открывай глаза.

В общем-то, вокруг ничего не изменилось. Изменилось только что-то в его голове — теперь он точно знал, кто такая Мирра Дарлейн, и мог рассказать про неё всё что угодно. И даже больше.

— Я хотела бы... — Дамир запнулся. — Хотела...

— Ну-ну, а дальше? — Эмирин засмеялась. — Я ведь говорила, что ты будешь говорить о себе в женском роде не напругаясь. Это самое сложное, Мир, а если ты один раз проколешься — всё, беды не миновать.

— Я поняла, — вздохнул наследник. — Но всё равно как-то чудно.

— Привыкнешь. Ты ведь Альтерр, мой мальчик. А все Альтерры без исключения — очень сильные люди.

Дамир знал это.

Как знал и то, что всем Альтеррам иногда хотелось побыть слабыми.

Надолго Эмирин с ним не задержалась. Проговорила ещё несколько деталей насчёт поступления в академию, предупредила об охране, живущей в соседней комнате, — и ушла.

А Дамир начал наслаждаться свободой.

И это был воистину самый счастливый месяц в его жизни. Месяц без обязательной побудки в полседьмого утра, без навязчивой охраны, без дворцового этикета, без обязанностей наследника престола. Чудесный месяц. Восхитительный месяц! Иногда Дамир даже думал, что согласился бы прожить девочкой до конца жизни, лишь бы не возвращаться во дворец.

Но нельзя. Он ведь Альтерр, да ещё и единственный наследник престола. Последняя надежда дяди Велдона.

Как это ни странно, но неприятности обходили Дамира в обличье Мирры Дарлейн стороной. Во-первых, потому что жил он в приличной гостинице, а совсем не в подворотне. А во-вторых, потому что старался на эти самые неприятности не нарываться — гулял по столице только в светлое время суток и только там, где было много народу.

Наверное, кто-нибудь другой, из обычной семьи, сказал бы Дамиру: целый месяц слоняться по городу, толком ни с кем не общаясь? Скукота! Но наследник подобного мнения не разделял. Первый раз в жизни он мог делать почти всё что хочет. Есть не по расписанию, а когда проголодается, пить не дорогое вино, а простые настойки для бедных, читать не то, что задал учитель по мировой политике, а дурацкий бульварный детектив. И смеяться над этим детективом во весь голос, не стесняясь дурных манер.

Он почти свыкся со своей ролью за этот месяц. Девушка-сиротка, одевающаяся исключительно в брюки и рубаш-

ки, немного грубоватая, но всё же девушка.

Только один раз Дамира пронзило острым желанием сбросить личину. В тот день в ресторане при гостинице он увидел восхитительную, безумно красивую леди. И декольте у неё было такое, что Дамир мог бы поклясться — в ту секунду у него между ног что-то зашевелилось.

В какой-то момент он даже хотел подойти к этой леди, но вовремя опомнился. Хорош бы он был, если бы подошёл...

Однако без постельной жизни ему, пожалуй, сложновато придётся. Может, попросить Эмирин заблокировать ему в голове часть мозга, отвечающую за плотское желание?..

Хотя нет, лучше не надо. Стыдно как-то...

Поступить в ЛАМ оказалось легко; впрочем, иначе для Дамира и быть не могло — его с рождения учил магии самый лучший из возможных учителей. Поэтому вступительный экзамен наследник сдал даже не напрягаясь.

Второй месяц в одиночестве промчался так же быстро, как и первый. И наконец настал день, когда Дамир вынужден был отправиться в академию — заселяться в общежитие.

По пути в комнату к нему пытался пристать на предмет познакомиться какой-то парень, но наследник очень легко избавился от нежелательного кавалера — просто кольнул его заклятьем рассеянности и, когда тот остановился посреди коридора, ошалело озираясь, рванул вверх по лестнице. В такие моменты Дамир остро жалел о том, что временно де-

вочка. Впрочем, он надеялся, девочек здесь достаточно, так что от него скоро отстанут.

Комната 305. Его пристанище на пять лет жизни. Если, конечно, не убьют... Или не поймают заговорщиков. Тогда, наверное, тётя Эм превратит Дамира обратно в Дамира. Ох, поскорее бы!

У наследника было чувство, что пристающие мальчики — это полбеда. Гораздо опаснее красивые девочки...

А в комнате их оказалось целых две. Правда, одну он знал. Не сказать чтобы очень хорошо — последний раз Дамир видел Рональдин, младшую дочь тёти Эм, года четыре назад. Тогда ей было шестнадцать, а ему восемнадцать, и они прекрасно ладили в те две недели, что наследник гостил в Арронтаре. Впрочем, с Дин невозможно не ладить.

Она была магом Разума, как и её родители, но, в отличие от них, слабеньким магом Разума. Нарро и Эмирин запросто могли заставить кого угодно сделать что угодно, стереть память и вообще покопаться в мозгах, но Дин всего этого не умела. Она могла лишь управлять животными и, как эмпа-ты, улавливать колебания настроения. А ещё — неосознанно внушать доверие и симпатию. У неё это получалось произвольно, как-то само собой, и не гасилось даже сильнейшими амулетами.

Вот и сейчас, войдя в комнату, Дамир моментально почувствовал лёгкую волну приязни по отношению к Дин. Впрочем, он и на самом деле был рад её видеть. Она знала

наследника не настолько хорошо, чтобы разоблачить, зато ему будет спокойнее жить рядом с дочерью Эмирин. Она-то уж точно не захочет его убить.

Вторая девица выглядела полной противоположностью Рональдин. Крупная, широкая в кости, но не толстая, угрюмая девушка с копной тяжёлых тёмных волос и глазами цвета предгрозового неба. Да уж, кажется, с соседкой им с Дин не повезло... Девица вовсе не лучилась дружелюбием. Да и вообще не лучилась.

— Привет. Я Мирра Дарлейн. А вас как зовут?

— Рональдин Арро. Можно просто Дин.

Арро... Не «Аррано» — фамилия, которой с некоторых пор представлялись родители Дин. Значит, она не собирается говорить, кому приходится родственницей.

— Шайна Тарс.

Голос у мрачной девицы был глухой и такой же угрюмый, как и она сама. Но приятный.

Кстати... Тарс... Где-то он слышал эту фамилию... Ладно, потом вспомнит.

Дамир прошёл к единственной свободной кровати и сел на неё.

— Ты на каком факультете? — спросила Дин. В этот момент на подушке появилась брошюрка с расписанием, и наследник взял её в руки, попутно отвечая:

— На боевом.

Пока он читал расписание, девушки молчали — видимо,

не хотели мешать. Распорядок дня... это было привычно Дамиру, поэтому много времени его изучение у наследника не заняло.

— А вы? — спросил он, откладывая брошюру в сторону.

— Я артефактор, а Шайна целитель, — ответила за обеих девушек Дин, и, как ни странно, вторая ей это позволила.

— Представители всех трёх факультетов, значит, — Дамир хмыкнул. — Что ж, давайте познакомимся поближе? Кто где родился, вырос, кто родители?

Ему было интересно, что расскажет не Шайна, а Дин. Но, к его удивлению, именно в глазах у Шайны Мир увидел досаду.

А вот дочка ректора ответила легко и весело:

— Я оборотень, родилась и выросла в Арронтаре. Белая волчица, если тебя это интересует.

Ну, это Дамир и так знал. Хоть никогда и не видел, как обращается Дин.

— А вот о родителях моих давайте не будем, — она скрыла жёсткость ответа за мягкой улыбкой. — Правду сказать я не могу, а врать мне как-то не хочется.

Удобно. Обратней в Арронтаре много, поди докажи, что она дочь ректора.

— Ну а ты, Шайна?

Кажется, девушка растерялась. Закусила губу, вздохнула, а потом сказала:

— Как-нибудь потом, — встала с кровати. — Сейчас мне

нужно идти. Извините.

Однако! Куда это ей нужно идти в первый день, когда ещё никто не учится?

Гулко хлопнула входная дверь. Почти сразу после этого послышался тихий вздох Дин, и Дамир обернулся к ней.

— У меня к тебе будет просьба, Мирра, — сказала вдруг Рональдин, и голос её звучал одновременно мягко и жёстко, напомнив Дамиру голос тёти Эм. — Пожалуйста, не спрашивай Шайну о её прошлом.

— Почему?

— Ей больно, — ответила Дин просто. — Я чувствую это и не хочу, чтобы Шайне было больно. Она мне нравится.

Нравится?.. Вот эта угрюмая, нелюдимая девушка с широкими, будто бы сросшимися бровями?

— Поэтому не обессудь... будешь обижать её, — взгляд Дин внезапно стал острым, — получишь.

— Да я и не собиралась, — Дамир рассмеялся. — Я же не знала, что она так воспримет мой вопрос... Хочешь, извинюсь?

— Не надо, Шайна не обиделась. Просто оставь прошлое в прошлом, и всё.

— Договорились.

Дин улыбнулась и выдохнула с облегчением, и тогда он решился на вопрос:

— А я... я тебе нравлюсь?

Почему-то ответ на этот вопрос стал вдруг очень важен

Дамиру. И сердце как-то радостно ёкнуло, когда Дин кивнула.

— Да, ты хорошая. Мне вообще повезло с соседями. Пошли за Шайной? Надо бы всем вместе сходить в библиотеку за учебниками.

— А как мы будем её искать? Она ведь могла пойти куда угодно.

— Не-е-ет, — Дин засмеялась. — Я совершенно точно знаю, куда она отправилась. Без вариантов.

Дамир охотно верил. В конце концов, в Рональдин текла кровь Эмирин — хозяйки и хранительницы академии. Впрочем, возможно, дело было совсем не в этом, а в чём-то другом. В чём-то, из-за чего Дин решила защитить Шайну — девушку, которая выглядела так, будто совсем не нуждалась в защите.

Шайна Тарс

Мирра и Рональдин настигли меня, когда я была в холле первого этажа. Я стояла и смотрела поочерёдно на залы памяти и почёта, раздумывая, куда мне больше хочется зайти. В зале памяти я могу увидеть маму... могу, но боюсь. А в зале почёта мне совершенно нечего делать. Меня не интересуют многочисленные императоры и императрицы.

— Ну как? — спросила Дин, как только они с Миррой спустились с лестницы и встали рядом.

Я вздохнула и покачала головой. Почему-то я сразу поняла, о чём спрашивает Рональдин, а она поняла, что означает мой ответ. В отличие от Мирры.

— Знаете, девочки, — голос рыжей сочился иронией, — может, вы и умеете переговариваться мысленно, но я этим искусством не владею.

И почему-то я решила прояснить ситуацию. Наверное, на меня Дин так действует.

— Я ходила к ректору. Просила поменять мне личного куратора.

— А-а-а, — взгляд Мирры наполнился сочувствием. — Ну да, ответ Эмирин был предсказуем...

— Эмирин? — хором удивлённо спросили мы с Дин. Она называет ректора просто по имени?!

Рыжая, кажется, смутилась.

— Ну да. А что такое? Она же Эмирин.

Спорить с этим было сложно, поэтому мы ограничились скептическими взглядами. А Мирра поспешила сменить тему:

— Ты хотела зайти в зал памяти? Или в зал почёта?

Я кивнула.

— В какой-то из них. Но в какой я ещё не решила.

— Что тут думать? — фыркнула рыжая. — Зал памяти гораздо интереснее! Пойдёмте. — Развернулась и направилась ко входу в зал.

Ещё одна командирка на мою голову... Впрочем, Мирра

права. Я так ещё долго буду стоять и решаться, когда надо просто идти.

Но как же это иногда сложно — просто что-то сделать... Просто идти, просто сказать. И даже просто молчать.

Зал памяти оказался большим, но меньше, чем я думала. В длину шагов, наверное, сто, а в ширину — пятьдесят. По стенам, слева и справа, — стеклянные шкафчики, заполненные какими-то кубками, медальками, монетками, шкатулками и прочей мелочёвкой. А в центре — колонны с портретами и магическими фотографиями, которые около сто лет назад изобрёл один из профессоров ЛАМ.

Я растерянно оглядывалась по сторонам. Ну и как найти здесь маму? Я ведь даже не знаю, в каком году она закончила академию. И закончила ли?

Между тем Мирра подошла к одному из стеклянных шкафов, остановилась рядом и стала что-то разглядывать. До меня донёсся тихий смешок.

— А что в этих шкафах? — спросила я у подошедшей Дин. Та пожала плечами.

— В основном награды студентов, ну и всякие дипломные проекты. Пойдём, поглядим, над чем там Мирра смеётся.

На полке стеклянного шкафа, возле которого находилась наша новая знакомая, стояла табличка: «3049 г., группа АР-1-2, три лучшие курсовые работы». Возле цифры один была выставлена небольшая чернильница со справкой: «Чернильница, превращающая воду в чернила. Уровень необхо-

димого ежемесячного заряда первый».

Рядом с цифрой два лежал золотой альтерр с подписью: «Исчезающая монета, возвращающаяся в карман к владельцу каждый раз после покупки товара». Хм, интересно, не стал ли студент, изготовивший этот «артефакт», фальшиво-монетчиком?

Но Мирра смеялась не над чернильницей и уж тем более не над монетой. Третьим предметом гордости группы AP-1-2 был «Кусачий череп».

— Череп кусает каждого, кто положит палец ему между зубов, — задыхаясь от смеха, прочитала на справке наша соседка по комнате. — Уровень необходимого ежемесячного заряда второй.

Я поневоле тоже улыбнулась. Кусачий череп? Кому это вообще нужно?

— Зря смеётесь, — покачала головой Дин. — Вещь, конечно, абсолютно бесполезная, но мастерство студента-первокурсника поражает. Вы знаете, что большинство делают банальные амулеты против эмпатии, или от бессонницы, или для улучшения пищеварения? Я не спорю, это полезнее, но вот такой череп... Это же голая кость, здесь заклинанию даже не на чем толком держаться, а он зубами щёлкает! Ювелирная работа!

Вот что значит — артефактор. Мы с Миррой дружно посмотрели друг на друга, улыбнулись, но решили ничего не отвечать. Нам, наверное, действительно не понять этого вос-

торга Дин... Особенно мне. Я бы предпочла амулет от бессонницы.

— Но самое интересное — там, — продолжила между тем Рональдин. — В дальнем конце. Потрясающая вещь, идёте, покажу.

И пока мы с Миррой семенили за Дин, я, хмурясь, вдруг задумалась над вопросом: откуда она знает, что самое интересное именно в дальнем конце? Дин ведь не могла побывать здесь раньше нас.

А потом мы увидели... зеркало. Большое, выше меня, с мутным стеклом и серебряной рамой, изображающей переплетение веток и листьев. Очень красивое зеркало. И очень старое.

— Вот, — только и сказала Дин, благоговейно вздохнув.

А я... просто онемела.

Потому что на бумажке, приклеенной прямо к стеклу, было выведено:

«Дипломная работа.

Портальное зеркало

Студент: Триш Лаира

AP-5-1, 3067 г.

Куратор проекта: профессор Эмирин Аррано».

В висках у меня запульсировала кровь.

А вот и ты, Триш... И твоя дипломная работа. Значит, ты закончила академию в 3067 году. Двадцать с лишним лет назад.

— Портальное зеркало, — задумчиво протянула Мирра.
— Насколько мне известно, проект так и не был завершён.
— Да, — кивнула Дин. — Хотя ма... м-м-м... профессор Аррано утверждает, что Триш добилаcь определённых успехов. Но она так и не защитила свою дипломную работу, поэтому никто не знает, как именно студентка проходила это портальное зеркало.

— Почему? — вырвалось у меня.

— Что — почему?

— Почему она так и не защитила свою дипломную работу?

Рональдин будто бы задумалась. Подошла к зеркалу и осторожно провела по его поверхности кончиками пальцев. Поднесла их к лицу и усмехнулась, увидев пыль на подушечках.

— Очень просто, Шайна. Двадцать лет назад Триш Лаира исчезла. Она так и не закончила академию. Никто до сих пор не знает, где она. Поэтому и дипломная работа осталась незащищённой.

«Двадцать лет назад Триш Лаира исчезла».

«Никто до сих пор не знает, где она».

Эти слова бились о стенку моего черепа весь оставшийся день. Я думала об этом, когда мы обедали, и когда шли в библиотеку за учебниками, и вечером, когда ложились спать. Весь день, почти каждую секунду.

Что же с тобой случилось, Триш? И главное — почему ты мне снишься? Может быть, я должна разгадать загадку твоего исчезновения? Может, в этом моё... предназначение?

В любом случае — я должна всё выяснить. Если не ради Триш, то ради себя. Надоели мне эти сны!

В студенческой столовой, как оказалось, за столами сидели по шестеро, поэтому я в тот день познакомилась ещё с тремя нашими однокурсницами. Мне, честно говоря, этого оказалось многовато, поэтому к вечеру я с ног валилась.

Одна девушка была с артефакторики, а две другие — с боевого. Это единственное, что отложилось в моём сознании. Даже имена где-то растворились, причём дважды — сначала после обеда, а потом после ужина.

И о чём мы говорили во время трапезы, я тоже умудрилась забыть. Запомнился только один разговор, но исключительно потому, что Мирра во время него умудрилась подавиться, закашляться и с громким «харк» выплюнуть полкотлеты обратно на тарелку.

— Вы знаете, ходят слухи, что в этом году с нами будет учиться наследник, — с придыханием сообщила одна из девиц с боевого факультета. После чего Мирра и подавилась. Но девица, не обращая внимания на закашлявшуюся рыжую, продолжила нести чушь в массы: — Конечно, под личиной. Представляете? С нами — и вдруг наследник!

Она восторженно пискнула. Я закатила глаза.

— И чего тут такого? — пожала плечами Дин. — Ну, на-

следник. Такой же парень, как и все остальные. Ничего в нём нет особенного... наверняка.

Прозвучало это всё так, словно она была с ним знакома. Но заметила это, кажется, одна я. Ну и Мирра, покосившаяся на Дин с некоторой укоризной во взгляде.

— Кроме того, ведь уже известно, что с нами учится Данита, его сестра, — продолжала между тем Рональдин и кивнула на кого-то позади меня. — Вон она сидит. Какая разница? Что Дамир, что Данита — просто люди.

— Просто люди, — фыркнула вторая девица с боевого. — Он же наследник! Будущий император! Может, он сейчас среди нас... и влюбится в кого-нибудь... — Голос её наполнился розовой патокой. Дин улыбнулась, я фыркнула, а Мирра опустила глаза в кружку с чаем.

О чём мы ещё говорили с этими наивными мечтательницами, я забыла. Да и мысли о наследнике, в общем-то, недолго меня занимали, хоть Мирра и интересовалась чуть позже, уже в нашей комнате, что мы с Дин об этом думаем.

— Я ничего не думаю, — буркнула я тогда. — Я вообще учиться собираюсь, а не наследника выслеживать.

— Присоединяюсь к Шайне, — засмеялась Рональдин. — Не нашего это ума дело.

В тот момент Дин расшнуровывала платье, а расшнуровав, спустила его сначала до пояса, а потом и вовсе сбросила на пол, оставшись в одной нижней рубашке. Вскоре она стянула и её, представ перед нами полностью обнажённой.

Ну, мне-то ничего — я в своей жизни голых девиц перевидала много, да и мужчин в неглиже видела — и во сне, и наяву. Смутить голой грудью (и не только!) человека, прожившего десять лет в борделе, нелегко.

А вот Мирру оказалось легко. Она покраснела вся, с ног до головы. Даже уши, даже белки глаз — и те порозовели. Странно.

И Дин это заметила.

— Ой, — сказала она. — Прости, я... не подумала. Я же оборотень, а у нас обнажённое тело не вызывает такой реакции, как у вас, людей. Извини. Мне переодеваться в ванной?

И пока Мирра, вымученно улыбаясь, уверяла, что ничего страшного, она просто от неожиданности, — я рассматривала Рональдин, которая и не подумала прикрыться во время этого диалога.

Да... у матушки Розы она стала бы звездой. Грудь у Дин была большая, двумя аккуратными такими шариками, увенчанными небольшими, словно нетронутыми сосками. Как две розовые ягодки. И кожа... на руках, ногах и животе — белая, молочная, гладкая. А внизу живота — треугольник золотых, как и на голове, волос. Рональдин была пухленькой, но её это нисколько не портило, даже наоборот.

Заметив мой взгляд, она улыбнулась, подмигнула и спросила, уже натягивая на своё великолепное тело ночнушку:

— Ну и сколько бы за меня дали в заведении матушки Розы?

— Не меньше пяти альтерров за ночь, — ответила я честно. — А если девственница — десять.

Наверное, если бы этот вопрос задала не Дин, я бы обиделась. Но в её устах он звучал совсем не обидно — просто как шутка.

— Значит, десять, — засмеялась она, опять подмигнула — и метнулась в ванную.

И как только за ней захлопнулась дверь, Мирра протянула:

— Точно... Тарс... А я всё думала, где слышала эту фамилию...

— Ну да, я приёмная дочь матушки Розы, владелицы борделя. Ты что-то имеешь против?

Наверное, это прозвучало с некоторой долей угрозы, потому что рыжая совершенно искренне удивилась и начала заваривать меня, что ей абсолютно всё равно. А потом спросила:

— Слушай, Шайна... а за меня сколько бы дали? Ну, за ночь?

— Три альтерра. А если девственница — пять.

Мирра засмеялась так громко и заразительно, что я не выдержала и тоже улыбнулась, хоть и не понимала, по какой причине она так ржёт.

— Вот бы они были разочарованы, — пробормотала она наконец, смахивая слёзы с глаз. И я решила не уточнять, чем именно — тем, что не девственница, или чем-то ещё.

А потом мы легли спать, и мне приснился очередной сон.

Во сне я, конечно, увидела Триш.

Впрочем, это было неудивительно. Подсознательно, ложась спать, я уже была уверена, что встречу её во сне, и даже хотела этого.

Вот только на сей раз сон оказался другим. Никогда раньше я не отделяла себя от происходящего, да и вообще — я не помнила себя до тех пор, пока не просыпалась. А теперь...

Я очутилась в одной из комнат общежития академии. Выглядела она почти так же, как наша с Дин и Миррой, только была более обжитой — на столе бардак, на полу были выстроены в ряд какие-то сапоги, туфли, ботинки.

Все три студентки спокойно спали, поскольку стояла глубокая ночь. Ну, почти все. Одна тихонько встала с кровати и, нацепив стоящие возле двери туфли без каблука, надела форменный плащ и выскользнула за дверь.

Я пошла за ней, потому что это была Триш. Я сразу её узнала — по чёрным прямым волосам и вспыхнувшему в темноте красному глазу. Вот только этой Триш было уже не пять лет, а около двадцати.

Дверь закрылась с тихим шорохом. Девушка прошла по коридору, поминутно оглядываясь по сторонам. Я понимала нервозность Триш — всё-таки выходить из комнат после отбоя запрещено. Но она не останавливалась — упрямо шла вперёд, кутаясь в форменный плащ академии и стараясь не стучать каблуками.

Достигнув первого этажа основного корпуса, Триш юркнула в приоткрытую дверь зала памяти, и я последовала за ней. В самом зале девушка пошла быстрее, видимо уже не боясь быть услышанной и совсем не оглядываясь. Дошла до знакомого мне порталного зеркала и... запрыгнула в него.

Несколько секунд я стояла посреди зала, не зная, что делать. Потом решила запрыгнуть в зеркало следом за Триш — и проснулась.

В висках что-то стучало, а перед глазами словно туман плыл.

Минут десять я просто лежала, прислушиваясь к спокойному дыханию Рональдин и посапыванию Мирры. Рыжая забавно похрапывала во сне, а вот Дин спала очень тихо. Тихо и красиво. Её распущенные волосы, рассыпанные по подушке, серебрились под лучами мягкого лунного света.

Именно тогда, после сна про Триш, сидя на постели и держась руками за голову, я и увидела это. Увидела, что Дин похожа на профессора Аррано. Днём это сходство практически не ощущалось, но сейчас, ночью, я вдруг почувствовала спокойную силу, исходящую от Рональдин. И вспомнила, что ректор — тоже оборотень, как и моя подруга.

Я встала с постели, стараясь не шуметь, почти как Триш в моём сне. Влезла в свои мягкие балетки, но плащ не надела — у меня его попросту не было. Плащи нам обещали дать только завтра.

Поэтому я вышла за дверь ровно в том же, в чём была, — в белых пижамных штанах и рубашке. Если кого-нибудь встречу, краснеть особенно не придётся — всё закрытое и непрозрачное. Но вряд ли я кого-то встречу. Коридоры академии в этот час были совсем пустыми. Мне это казалось немного странным — написать правило про «не ходить после отбоя» и не следить за тем, чтобы оно выполнялось. Можно было бы двери блокировать или оставлять дежурных... но нет. Тихо, пусто, сонно.

И зал памяти тоже был не заперт, как и в моём сне. Только я, в отличие от Триш, пересекла его отнюдь не быстро.

О Дарида, скажи мне, зачем я это делаю? Безумие и глупость. Но я должна проверить, должна...

Поверхность порталного зеркала легко светилась в темноте. И мне на одно мгновение показалось, что я вижу там отражение Триш... Я ошиблась — это было моё отражение.

— Ладно, Шайна, — прошептала я, сжимая ладони в кулаки. — Сейчас ты проверишь, поймёшь, что всё это полнейшая ерунда, и осторожно пойдёшь обратно. Успокойся.

Вдох-выдох.

Рука, протянутая к зеркальной поверхности...

Шаг...

И мир ушёл у меня из-под ног.

Глава пятая

Шайна Тарс

Что это?

Где я?!

От испуга я даже села на корточки и зажала голову руками.

Может, я сплю?

Нет, нет. Это всё на самом деле. Я вошла в порталное зеркало непонятно зачем и очутилась неизвестно где. И кругом темнота, ничего не видно. О Дарида! Ну не дура ли я?!

Полнейшая.

Так, Шайна, дыши. Вдох-выдох... А теперь вставай на ноги... Осторожно, медленно... И оглядись... Может быть, всё не так плохо, как ты думаешь...

Додумать эту мысль я не успела — меня снесло с места и впечатало в стенку. Очень больно впечатало, изо всех сил приложив спиной о поверхность, напоминающую книжный шкаф. Наверное, это он и был — одна из книжек свалилась и ударила меня по лбу так, что перед глазами блестящие мушки закружились.

А потом по телу поползли верёвки, но не обычные, а магические. Зелёные и голубые. Они сплетались и переплетались, сковывая меня с ног до головы. Даже казалось, что она

затылком прилипла к шкафу, что стоял сзади.

Сильная магия...

— Кто ты такая и что здесь делаешь?

Жёсткий голос. Властный.

Я изо всех сил напрягла глаза, но это оказалось бесполезно — впереди не было ничего, кроме тьмы и этого голоса.

И вдруг я — неожиданно для себя самой — открыла рот и начала рассказывать. О том, как меня зовут, и что я учусь в ЛАМ, и что увидела во сне...

Вот тут я на секунду запнулась. Заклинание абсолютной правды невозможно обмануть — чисто теоретически, да. Но мама... когда я была маленькой, она рассказывала мне о нём, в том числе и о том, как правильно обманывать, но при этом не лгать.

— Во сне девушка шла к залу памяти. Она подошла к зеркалу и запрыгнула туда... Тут я проснулась и решила проверить, возможно ли это... Я даже не думала, что получится перенестись... Думала, что просто побьюсь лбом о зеркало и пойду обратно спать...

Видимо, я сказала то, что устроило невидимого собеседника, потому что магические верёвки наконец спали с моего тела, а голова отклеилась от шкафа.

— Студентка, значит. — В его голосе ирония была пополам с усталостью. — Сон приснился... Допустим, я поверил. И ты, получается, не в курсе, где оказалась?

— Нет, не в курсе, — ответила я, ощущая, как заклинание

абсолютной правды сильнее схватывает горло. Но лгать я и не собиралась.

Мужчина — а мой собеседник был мужчиной — вздохнул и запустил в воздух несколько шариков света. Некоторые из них поднялись повыше, другие остались рядом с ним, а третьи подлетели ко мне, чтобы осветить уже меня.

И я немного смутилась, осознав, что стою перед совершенно незнакомым человеком в одной пижаме.

Ох, уймись, Шайна. Девочки из борделя перед незнакомыми мужчинами даже раздеваются. Подумаешь — пижама!

Но дело было не только в пижаме, но и в самом этом мужчине. Он был... красивый. Высокий, широкоплечий, с волевым лицом и чёткой линией подбородка. Тёмные короткие волосы, и глаза, кажется, тоже тёмные. А на лбу три горизонтальные морщинки, словно он часто хмурится.

Он скользнул по мне совершенно равнодушным взглядом. Без малейшей искорки мужского интереса. И это почему-то немного задело.

Сам мужчина, кстати, был не в пижаме, а в простой, наполовину расстёгнутой светлой рубашке с подвёрнутыми рукавами — руки и грудь его были покрыты тёмными волосами — и в чёрных штанах. Мужчина казался бы обычным человеком, если бы не одно «но».

Лицо у него было жёсткое, решительное и властное. Такое же, как голос.

— Простите, — сказала я абсолютно искренне, — навер-

ное, я оторвала вас от важных дел? Я сейчас уйду. Только подскажите — я всё ещё в Лианоре?

Он кивнул.

— В Лианоре.

— Слава Дариде! Я боялась, что зеркало перенесло меня на другой конец страны... Простите, — вновь извинилась я, — но я не имею чести знать вашего имени...

Мужчина усмехнулся.

— Вы можете звать меня Нордом.

— Очень приятно, Норд. — Я сделала шаг вперёд и протянула руку. — А я Шайна Тарс, студентка первого курса Лианорской магической академии.

Его глаза чуть потеплели. Совсем немного.

— Боюсь, что с таким умением влипать в неприятности вы будете студенткой совсем недолго, Шайна, — ответил он, пожимая мне руку. Ладонь у него была большой, сухой и тёплой.

— Я постараюсь больше так не делать, — ответила я, неловко улыбаясь. — И спасибо, что не убили меня сразу. Ведь я залезла в ваш дом.

— Не за что. Но вы ошибаетесь — это не дом. Впрочем, я лучше покажу. Пойдёмте.

Он развернулся и пошёл куда-то вправо, вдоль книжных шкафов. Здесь, кажется, ничего и не было, кроме этих самых шкафов с книгами... Очень много книг. Наверное, я в библиотеке?

Шли мы недолго, с минуту. И я не успела даже охнуть, когда вдруг оказалась на небольшом балконе. Ветер ударил в лицо, по рукам побежали мурашки — не столько от ветра, сколько из-за вида, открывающегося с этого балкончика.

Там, внизу, был Лианор. Спящий ночной город, освещённый только неяркими огоньками уличных фонарей. И он казался таким крошечным... А я чувствовала себя великаншей, да ещё и забравшейся куда-то повыше, чтобы видеть весь город как на ладони.

Я сразу поняла, где нахожусь. Впрочем, это было очевидно.

— Императорский дворец, — вздохнула я обречённо. — Странно, что я ещё не в тюрьме.

Мужчина встал рядом со мной возле перил, и я услышала, как он хмыкнул.

— А с чего вдруг вы должны быть в тюрьме, Шайна? Вы ничего не украли и никого не убили.

— Незаконное проникновение. Оно же имело место быть.

— Поначалу — возможно. — Я почувствовала, что Норд смотрит на меня, и тоже развернулась к нему лицом. — А теперь вы — моя гостья. Так что никакого незаконного проникновения.

Станный он. Вот зачем ему это? Я не привыкла доверять людям, поэтому сразу насторожилась.

— А мы вообще где? В смысле дворец же большой...

— Это место называется Библиотечной башней, или боль-

шой императорской библиотекой. Мы с вами находимся на самом верху.

На самом верху... Я скосила глаза вниз — там, далеко-далеко, виднелись огни ночной столицы. Хорошо, что я не боюсь высоты... Но всё равно немного жутковато. И балкончик кажется совсем хлипким.

— Отсюда невозможно упасть, не бойтесь, Шайна.

Норд словно прочитал мои мысли.

— А вы... — я старалась тщательнее подбирать слова, — ...вы хранитель этого места? Хранитель библиотеки?

Мне показалось или его это немного развеселило?

— Можно и так сказать, — кивнул мужчина. — Я действительно знаю о библиотеке больше остальных. Но пойдёмте, я провожу вас обратно в академию. Ведь завтра первый день учёбы, верно? А вы не спите. Нехорошо.

Я не успела и слова сказать — Норд подхватил меня под локоть и вывел с балкончика. Несколько торопливых шагов вглубь библиотеки — я в это время с любопытством оглядывалась по сторонам, пытаясь рассмотреть хоть что-то, ведь, когда мне в следующий раз придётся здесь побывать, неизвестно — а потом мужчина подвёл меня к порталному зеркалу и остановился рядом с ним.

Это зеркало было копией того, из зала памяти. Большое, с мутным стеклом и серебряной рамой, изображающей переплетённые ветви и листья.

— Вы сможете уйти отсюда тем же путём, что и пришли,

— сказал Норд, внимательно глядя на меня. — Если, конечно, я не ошибаюсь... А я редко ошибаюсь. Но, прежде чем вы уйдёте, я хочу задать вам один вопрос.

Я сразу напряглась. И ничуть не удивилась, ощутив, как заклинание абсолютной правды вновь схватывает горло невидимым обручем.

— Что вас связывает с Триш Лаирой?

Жаль, что солгать невозможно.

— Ничего... кроме снов.

— Снов? — он схватил меня за плечи и развернул лицом к себе. — Что это значит? Объяснитесь, Шайна!

Его руки на моих плечах казались раскалёнными углями. Что же он такой горячий? Я вот наоборот — холодная, как ледышка.

А выражение лица у Норда в этот момент было странное. Словно он что-то искал в моём лице — лихорадочно, зло, жадно... Но я его почему-то не боялась.

— Она мне снится, — как только я это сказала, ощущение железного обруча на шее будто растворилось. — Снится уже десять лет. Иногда каждую неделю, иногда реже. Один и тот же сон... Только последние два сна были иными.

— Расскажите. — Не просьба — приказ.

Я рассказала. Вкратце, конечно. Обо всех снах про Триш, умолчав лишь об одном — о своём желании узнать про неё правду.

Я понимала, что мужчина, скорее всего, знает о ней то,

что необходимо знать мне, но спрашивать не хотела. Почему? Когда я была маленькой, мама сказала мне, что у меня, кроме магии Крови, есть ещё один особый дар. Она называла меня интуитом. Вот и сейчас мой дар подсказывал: не надо ничего спрашивать у Норда.

Когда я замолчала, мужчина на мгновение прикрыл глаза, словно пытаюсь справиться со своими чувствами. А потом сказал:

— Теперь я всё понял. Спасибо, Шайна... идите к себе.

И отпустил мои плечи.

— Скажите, а... — Я закусила губу, чувствуя некоторую неловкость. — Если я ещё раз сюда приду... Попаду в тюрьму или...

— Или, — он улыбнулся. Только улыбка не была тёплой — скорее грустной. — Приходите, Шайна. Только лучше всё же... не днём.

— Хорошо, — я кивнула и, колебавшись, добавила: — До свидания.

А потом шагнула в зеркало.

Эмирин Аррано

Была уже поздняя ночь, когда в дверь вдруг постучали. Она сразу узнала этот стук — резкий, быстрый и громкий, последние десять лет Эмирин слышала его всё чаще. Иногда ей хотелось не открывать дверь, сделать вид, что не слышала,

но она не могла.

Не смогла и в этот раз. Встала из-за стола, едва не опрокинув чернильницу, подошла к двери и распахнула её, в последний момент успев поймать буквально свалившегося на неё эльфа.

— Прости, — шепнул он еле слышно, полузадушенно, втягивая носом воздух где-то возле её уха. — Перестарался.

— Я же говорила, — сказала Эмирин, втаскивая его в комнату. — Я ведь говорила, что не сработает, Дрейк.

— Я должен был попытаться... Должен...

Она почти внесла эльфа в свою спальню, осторожно уложила на кровать и начала раздевать, краем глаза подмечая и бледность его кожи, и выступившую на лбу испарину, и лихорадочно блестящие глаза.

— Сейчас будет легче. Сейчас-сейчас...

Наконец последняя вещь была стянута. Эмирин отстранилась на секунду, глубоко вздохнула, словно перед прыжком в ледяную воду, и сбросила на пол своё белое платье, оставшись обнажённой. А потом легла на Дрейка, даже не поморщившись, когда он изо всех сил сжал её талию и уткнулся носом в ложбинку между грудей.

— Прости, прости меня. — Жаркий, больной шёпот. Сколько раз она слышала его за эти десять лет? Наверное, больше тысячи. — Прости меня, Эмил...

— Ну что ты, Дар. Всё хорошо.

Дрейк знал, что она врёт. И Эмирин тоже догадывалась,

что он об этом знает. Но в этой ситуации она не могла поступить иначе.

И она позволяла ему целовать свои губы, сжимать грудь, ласкать спину, живот и бёдра... Она позволяла ему всё. А он брал всё, что она ему позволяла, потому что тоже не мог иначе. Ведомый проклятьем, Дрейк знал: единственное, что он может сделать, чтобы облегчить боль Эмирин, — это просить прощения.

И он просил. Целовал — и просил прощения, ласкал — и просил прощения. Двигался в ней — лихорадочно, резко, агрессивно, — и просил прощения.

А потом приходило наслаждение. Наслаждение только для него одного. И Дрейк сжимал в объятиях женщину, которая спасала его от смерти целых десять лет, чувствуя себя самым большим мерзавцем на свете.

— Я каждый раз надеюсь, что до этого не дойдёт, — прошептал он, заглядывая в её глаза, когда пелена перед его собственными глазами спала. — Я клянусь тебе, что сопротивляюсь до последнего...

— Не нужно, Дар, — Эмирин улыбнулась. — Ты ведь знаешь: чем сильнее сопротивляешься, тем больше шансов у проклятья победить твой разум окончательно и бесповоротно.

— Тебе... не больно?

Она вздохнула. Каждый раз Дрейк задавал этот вопрос, и каждый раз она лгала.

— Нет, не больно.

Обычно после этого он молча ложился на постель, обнимал её и засыпал. Но почему-то не сегодня...

— Ты ведь врёшь, Эмил. Я же знаю.

— Мои чувства не имеют никакого значения. Ты должен понимать, это единственный шанс...

— Порой я думаю, что не нужно было использовать этот шанс. Лучше бы я умер.

— Не говори глупостей, — в голосе Эмирин послышалось раздражение. — Давай спать. Завтра рано вставать.

Несколько секунд он ещё вглядывался в её лицо, а потом лёг рядом, провёл кончиками пальцев по щеке женщины и закрыл глаза.

И почти тут же уснул.

Эмирин тоже хотела бы уснуть, но не получалось. Каждый раз после близости с Дрейком она не могла спать. Уговаривала себя, что это как лечение, медицинская процедура, а она лекарь. Но не помогало.

Иногда она просто старалась не думать. Отключить голову — и спать. Она же маг Разума, кхаррт её разбери! Но и так не срабатывало.

Оставалось только лежать, думать и... вспоминать.

Вспоминать, как десять лет назад Дрейк ввалился в её дом в Арронтаре — дрожащий, с испариной на лбу, и легче ему становилось только в её присутствии. Тогда они ничего не поняли... Проверяли эльфа на самые разные болезни, по-

ка не обнаружили метку проклятья. Проклятья смертельной одержимости.

Дрейку было суждено сойти с ума от желания обладать Эмирин. И в конечном счёте он должен был совсем потерять голову, свихнуться и умереть.

Они так и не узнали, кто именно наложил проклятье, хотя и пытались. Но оно оказалось очень сильным... и снять его никто так и не смог. Только замедлить действие. Но какой ценой...

Эмирин вздохнула и закрыла глаза. Так думать — эгоистично, ведь она спасает жизнь своему лучшему другу. Но при этом разрушает свою...

Два года назад она была вынуждена уйти от мужа. Она сама приняла это решение, и Нарро поддержал её. Теперь они виделись редко, и каждая встреча была наполнена горечью. Нарро всё понимал и никого не упрекал — ни Эмирин, ни Дрейка, — но смотрел на неё так, что сердце разрывалось. Она очень хотела вернуться к нему, но не желала мучить мужа, заставляя терпеть присутствие другого мужчины рядом с ней. Она вернётся, как только они с Дрейком снимут проклятье... Обязательно вернётся, обязательно...

Тонкая ниточка серебряного браслета на руке Эмирин потеплела, а потом начала обжигать. Ректор вскочила с кровати и принялась натягивать на себя платье.

— Что случилось? — пробормотал Дрейк сквозь сон.

— Император вызывает. Спи, я скоро.

— Капризный мальчишка, — буркнул эльф перед тем, как вновь провалиться в сон. Эмирин только улыбнулась и покачала головой.

Велдон... Он не был лишён недостатков, но капризным мальчишкой она бы его не назвала. Если понадобится, он сможет спать на снегу, питаться одним хлебом и пить воду из лужи. Он был таким же, как и все Альтерры — крепким, как камень. Но и упрямым.

Эмирин очень любила Велдона. Несмотря на все его ошибки.

Одевшись, профессор Аррано прокрутила серебряный браслет вокруг запястья три раза и постучала по одному из звеньев. Почти тут же перед глазами поплыл туман, а пол на мгновение ушёл у неё из-под ног.

Комната, в которой оказалась Эмирин пару секунд спустя, была плохо освещена, но женщину это не смутило — она прекрасно видела в темноте. Увидела она и сидящего прямо перед ней в кресле Велдона, который задумчиво вертел в руке маленькую булавку из тёмного металла с небольшой жемчужиной на конце.

— Тебе не кажется это странным, Эм?

— Что именно? — она подошла ближе и села в соседнее кресло.

— Амулеты Триш до сих пор работают. Она сама давно умерла, а её амулеты...

— Артефакты, Вел, — поправила императора Эмирин. —

Ты же знаешь, что она делала исключительно артефакты. И делала их так, чтобы они продолжали работать и после её смерти. Что это за булавка? Я никогда её не видела.

— Это неудивительно. — Он поморщился. — Я и сам о ней забыл, вспомнил только сегодня. А она всё время была тут, среди книг. Триш тогда сказала, что, если во дворец проникнет кто-либо без приглашения, я это почувствую. И я почувствовал... сегодня ночью. Примерно час назад.

— И кто же это был?

Велдон усмехнулся.

— Тебя больше интересует — кто? Не как? Ведь это же гораздо интереснее. Я раньше думал, что без допуска сюда невозможно попасть.

— Меня всё интересует. Но ты, вместо того чтобы рассказать, разводишь тут какую-то таинственность.

— Не злись. Я немного в растерянности... Но начну всё же не с того кто, а с того как. Через порталное зеркало.

— Что?! — Эмирин удивлённо распахнула глаза и вцепилась в ручки кресла выпущенными когтями. Такое с ней всегда случалось в минуты исключительного волнения.

— Не порть мебель, Эм. Да, через порталное зеркало. И меня очень интересует, как ей это удалось, ведь никто не мог им воспользоваться. Даже ты!

— Даже я... — профессор Аррано подняла руку и задумчиво потёрла указательным пальцем кончик носа. — И всё же... Кто это был?

— Одна из твоих студенток. Первый курс. Шайна Тарс.

Эмирин на миг застыла, приоткрыв рот, но при этом совсем не дыша. Велдон следил за ней, прищурившись.

— Ты можешь мне это объяснить? Можешь?

Она молчала несколько секунд. А потом вздохнула и ответила:

— Я могу только предполагать. Ты ведь знаешь, Риш почти не делилась со мной подробностями своей дипломной работы. Она хотела сделать сюрприз...

— И сделала, — мужчина желчно усмехнулся, и Эмирин посмотрела на него с укоризной. — Прости. Продолжай.

— Я знаю только одно: пользоваться порталным зеркалом Риш помогал медальон, который она изготовила для себя. Я не знаю, как это работало. Могу лишь предположить, что и на зеркале и на медальоне — связанные друг с другом части формулы пространственного перемещения с заданными координатами. Координатами трёх видов — зала памяти, императорской библиотеки и... — Она на миг запнулась. — И моего кабинета.

— Значит, есть ещё и третье зеркало, — задумчиво протянул Велдон. — У тебя в кабинете.

— Да. У меня в кабинете.

Усмехнувшись, он покачал головой.

— Вывод тут может быть только один. У этой Шайны Тарс есть медальон Триш. Как думаешь, для нас это хорошо или плохо?

Она вздохнула и закусила губу.

— Пока не знаю, Вел... Пока не знаю...

Наследный принц Дамир

Дамир проснулся от тихого, но настойчивого звона, пробирающегося в голову. Звон шёл будто бы изнутри его собственного черепа, и наследник никак не мог понять, в чём дело, пока не вспомнил — он же в академии! И этот звонок означает только одно — пора вставать.

Он медленно открыл глаза. Настенные часы, висевшие напротив его кровати, рядом с гардеробом, показывали семь утра. Вот гадство! Все два месяца Дамир вставал не раньше девяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.